

ТАТЬЯНА ЛАКИЗЮК

ХРОНИКИ ДРАГОМИРА

СРЕДИ
ОСКОЛКОВ

КомпасГид
издательский дом

Хроники Драгомира

Татьяна Лакизюк

**Хроники Драгомира.
Книга 3. Среди осколков**

ИД "КомпасГид"

2022

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Лакизюк Т. А.

Хроники Драгомира. Книга 3. Среди осколков / Т. А. Лакизюк —
ИД "КомпасГид", 2022 — (Хроники Драгомира)

ISBN 978-5-00083-831-0

Приключения Луны в волшебном мире драгоценных камней продолжаются! После полной победы над колдуньей Драгомир возвращается к мирной жизни. Луна обучается магии в Сафайрине — погружается в водный мир со всеми его чудесами, тайнами и загадками морских глубин, — пока ее друзья готовятся к выпускным испытаниям. Экзамены не простая формальность: успешно сдавшие их драгомирцы смогут участвовать в поединках, которые проводит Эссантия — создательница Драгомира, его душа и основа. Победителей она награждает невероятными способностями. Гиацинт, отец Аметрина и правая рука Гелиодора, неожиданно запрещает сыну принимать участие в величайшем испытании года. Аметрин не слушает отца и готовится к поединкам тайно. Но почему Гиацинт так не хочет участия сына в соревнованиях Эссантии? Тем временем Луна видит пророческий сон — предупреждение от Празета. Подготовка к поединкам омрачается снова нависшей над Драгомиром угрозой. Кто же тайный приспешник Жадеиды? И как он воспользуется черными книгами на этот раз? «Среди осколков» — третья книги тетралогии Татьяны Лакизюк «Хроники Драгомира». Вы снова погрузитесь в удивительный красочный мир, полный драгоценных камней, волшебных животных и удивительных растений. Вместе с Луной вы будете не только постигать магию воды, но и учиться поддерживать друзей, принимать трудные решения и быть сильными, даже когда кажется, что надежда угасла.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-00083-831-0

© Лакизюк Т. А., 2022
© ИД "КомпасГид", 2022

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	14
3	18
4	23
5	27
6	31
7	34
8	39
9	43
10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Татьяна Лакизюк

Хроники Драгомира

Среди осколков

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения ООО «ИД „КомпасГид“».

© Лакизюк Т. А., текст, 2022

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2022

Часть первая

1

– Жду не дождусь, когда все начнется, – тараторила Сентария, с тревогой поглядывая на хмурого Эгирина, который, не поднимая глаз, медленно шагал рядом.

– Ты имеешь в виду сегодняшний праздник? – тут же подхватила Луна, понимавшая желание подруги подбодрить понурого Эгирина.

Вчетвером с Аметрином они медленно шли по длинному увитому растениями коридору, который вел к главной площади Манибиона. Там их должны были ждать Оникс, Кианит с Целестиной и воздушные подружки Сильвина с Виоланой. Впереди по коридору скакали Пиритти с Пироппо, которые теперь вечно ошивались поблизости, боясь пропустить очередные приключения, постоянно преследовавшие Луну.

Со дня гибели Мориона и победы над Жадеидой прошло более полугода. За это время Аметрин, Оникс, Кианит и две воздушные подружки окончили школу и сейчас готовились к выпускным экзаменам. На подготовку отводилось два месяца. Для остальных школьников, в том числе и для Луны, наступили долгожданные каникулы.

Драгомирцы понемногу приходили в себя после пережитого потрясения и восстанавливали то, что было повреждено заклятиями ведьмы. Дома, сожженные ею, чтобы Морион мог выманить Луну из дворца, были заново отстроены, и хозяева с радостью вернулись к себе. Несмотря на радушие соседей, приютивших их, они уже очень соскучились по своим жилищам.

Гелиодор, лично руководивший строительством и выделивший для домов лучший огнеупорный камень, приказал украсить крыши флюгерами, которые мелодично звенели при каждом дуновении ветра. На флюгерах мастера изобразили огонь, заключенный в ладонях. Этим Гелиодор хотел показать, что дома надежно защищены от огня.

Поля и леса, уничтоженные полчищами магических насекомых, были засеяны новыми растениями. Благодаря ежедневному уходу, одобренному чуточкой магии, там уже заколосились первые посевы и зазеленели кустарники.

Но главное, что произошло после смерти ведьмы, – это то, что ее проклятие наконец-то пало. Из каштановых волос целителей исчезли седые пряди. Александрит лично попробовал воспользоваться даром врачевания и вылечил сложный перелом у кристаллианца, который, пытаясь подчинить ветер, упал и сломал ногу. После его исцеления ничего плохого не произошло, и драгомирцы, чуть не плача от радости, кидали вверх шляпы. Хлопать в ладоши они не хотели. В их сердцах поселилась нелюбовь к аплодисментам.

Когда последствия долгой войны были устранены, в Драгомире решили устроить праздник в честь победителей ведьмы. Именно туда и шли сейчас друзья. Как-никак они сами, без помощи правителей и старейшин смогли заманить в ловушку непобедимую Жадеиду.

Эгирин не любил вспоминать события, унесшие жизни его отца и матери, и поэтому был не в духе. Идя по дороге, он сильно волновался, то и дело приглаживая чуть отросшие волосы, лежавшие красивой каштановой волной. Эгирин больше не красил их, чтобы скрыть свой дар, но пристальное внимание окружающих смущало его. Он был бы рад вообще не выходить из дома, чтобы не ощущать на себе любопытные взгляды, но близкие и друзья сделали все, чтобы не дать ему закрыться в своем горе.

После победы над черной магией Эгирин остался жить в Смарагдиусе, к радости Сардера и его жены Янтарии¹. Высокая, худая, с пронзительным взглядом, эта земная волшебница совсем не походила на заботливую бабушку. Но Янтария, под стать своему имени, была доброй и светлой. Улыбка не сходила с ее лица, а пытливые глаза смотрели ласково и дружелюбно. Эгирин сразу полюбил ее. Рядом с ней его сердце оттаивало. В лице Сардера и Янтарии Эгирин, потерявший обоих родителей, приобрел близких людей.

Пока Эгирин осваивался, правители задумались о его обучении. И здесь предстояло решить немало проблем. Ведь Эгирину уже исполнилось шестнадцать лет. К этому возрасту он уже должен был учиться в выпускном классе школы Манибиона. Но по понятным причинам этого не произошло. Он не учился ни в школе Манибиона, ни даже в земной школе, где должен был быть с самого начала. Правители не знали, что и предпринять, в Драгомире никогда не было семнадцатилетних учеников. Разве только второгодники, которые встречались редко – один, может, два на сто лет. Чтобы понять, что делать дальше, Сардер решил проэкзаменовать внука. Каковы же были его удивление и гордость, когда он выяснил, что Эгирин не сильно отстал от своих ровесников, а кое в чем даже превосходит их.

Его рецепт чернил, которыми была написана записка для Луны, вообще потряс ученого. Он тут же отдал команду запустить новое производство. Вскоре во Флорессии была изготовлена первая партия ручек по этому рецепту. Кроме того, Эгирин, пряча от Жадеиды свой дар, изобрел безвредную краску для волос. Единственный ее минус заключался в том, что она быстро смывалась. Тем не менее модницы по всему Драгомиру тут же стали щеголять разноцветными прядями. Правители даже опасались, что перестанут отличать своих подопечных от жителей других петрамиумов.

Выяснив, что знаний у Эгирина достаточно, правители решили, что этот год он закончит вместе со своими сверстниками в школе Смарагдиуса, сдаст экзамены, а потом пойдет учиться в Манибион по индивидуальной программе, вместе с Луной, которая была этому только рада.

А уж как радовались ученые целители!

Ведь их школа пустовала столько лет. Из-за проклятия способности к целительству не появились даже у прямых наследников, родившихся до рокового дня. Они открыли в себе только основной дар, переходящий по наследству от отца.

Поэтому они учились в других школах, а целительство проходили по верхам.

А тут настоящий целитель. Даже целых два. Конечно же, ученые ликовали.

Эгирин, счастливый оттого, как удачно все складывается, посветлел лицом и стал чаще улыбаться, с головой уйдя в учебу.

Но не сегодня.

Сегодня его не радовали ни великолепие кованых украшений, ни причудливые фонтанчики с питьевой водой, ни даже гроздья цветов, от аромата которых кружилась голова. Хотя, впервые оказавшись в этой сказочной аллее, Эгирин долго разглядывал чудеса, созданные человеком вместе с природой.

Поэтому друзья лихорадочно искали тему для разговора, которая могла бы вернуть ему хорошее настроение и стереть с лица глубокую печаль. Увидев, что Эгирин начал прислушиваться к беседе, Сентария затараторила еще быстрее.

– Да нет, я не про сам праздник, я про дополнительные поединки, – ответила она на вопрос Луны, на ходу поправляя косички, которые в честь предстоящего события были уложены в замысловатую прическу.

– Какие поединки? – удивленно спросила Луна.

¹ Янтарь – окаменевшая смола от светло-желтого до коричневого цвета, используемая для изготовления поделок и украшений.

Она хотела увлечь разговором Эгирина, но, услышав новую информацию, заинтересовалась сама.

– Ты разве не знаешь? – Пироппо, услышав про поединки, сразу наострил уши.

О поединках выпускников знали все в Драгомире. Любой ребенок мечтал когда-нибудь поучаствовать в них.

– Ну ты даешь! – протянул Пиритти, шмыгнув носом.

Луна беспомощно развела руками. Она знала, что, закончив школу, выпускник сдает экзамены, получает напутствие от источника петрамиума, выбирает себе профессию и затем учится у мастера еще два года. В восемнадцать лет драгомирцы уже вовсю работают. Все понятно. Но при чем тут какие-то поединки?

– Ну конечно! – хлопнул себя по лбу Пироппо. – Откуда тебе знать о поединках, если их столько лет не проводили из-за войны с этой жабой...

Поймав гневный взгляд Аметрина, Пироппо осекся:

– Ой! То есть с ведьмой... да что ты будешь делать... с врагом, короче.

Он еще раз шмыгнул носом и виновато посмотрел на Эгирина.

– Да нормально все, – сказал тот. – А что там про поединки? Я тоже ничего не понял.

Луна и Сентария радостно переглянулись. В глазах Эгирина зажегся интерес.

– Раньше, еще до войны с этой... короче, давно... после выпуска из школы лучшие ученики участвовали в поединках.

– Это просто мечта мечт – туда попасть, – Пироппо не удержался и начал возбужденно подпрыгивать.

– Но надо хорошо учиться. Мы, конечно, тоже хотим поучаствовать, но наши оценки... – Пиритти вздохнул.

– Это потому, что не было поединков! – возразил Пироппо. – А теперь, раз их вернули, мы как начнем учиться, аж головы задымятся.

– Да иди ты, – от неожиданности Аметрин выдал любимую фразочку младшего брата. – Вы – и учиться? Не смешите меня!

– Фу ты ну ты! – запальчиво выкрикнул Пиритти. – Можно подумать, в нашей семье ты один умный. Да ради поединков мы горы свернем!

– Ну конечно, – усмехнулся Аметрин.

– Вот увидишь! Мы будем лучшими! Мы тоже хотим силу алмаза и энергию рубина. Мудрость жемчуга тоже ничего, но она нам и не понадобится. Мы и так будем умными! – затараторили братья.

– Обещаете? – Аметрин заглянул обоим в глаза.

– Да чтоб нам сгореть на месте! – хором сказали братья.

– А можно вмешаться в воспитательный процесс? – деликатно кашлянул Эгирин. – Объясните уже кто-нибудь, что за поединки и почему все так хотят в них попасть.

– Ты себе просто не представляешь! – начал Пиритти.

– Это такое... такое! – подхватил Пироппо.

Луна с Эгирином недоуменно переглянулись.

– А ну-ка цыц! – прикрикнул Аметрин на братьев. – Ничего толком объяснить не можете! Либо говорите нормальным языком, либо помолчите и дайте другим рассказать.

– Ну как хотите, – обиделся Пироппо.

– Мы всего лишь хотели описать, – следом за братом надулся Пиритти.

– Конечно... Ребенка всякий может обидеть, – хитро сощурился первый.

– Особенно такой громила! – подхватил второй.

– Послушайте! – взмолилась Луна, зная, что братья могут препираться до бесконечности. – Расскажите уже кто-нибудь. Интересно же!

– Ладно, слушайте, – важно начал Пиритти. – До войны каждый год проводились поединки.

– После каникул, – уточнил Пироппо.

– И экзаменов, – вставил Аметрин.

– Самые умные, как наш Аметрин, или поумнее его, – Пиритти, поймав грозный взгляд брата, на всякий случай отскочил подальше, – получали допуск к поединкам.

– Они ужасно сложные! Как-то было такое испытание страхом, что в тот год никто не смог даже выйти в финал. Все участники провалились, испугавшись за свою жизнь, – зловещим голосом добавил Пироппо. – Вот трусы! Вот я ни за что не испугаюсь!

– Но если ты становишься победителем, то тебя ждет такое! – Пироппо замахал руками в воздухе, пытаясь показать, что таинственное «такое» было просто невообразимым.

– Ну! – не выдержал Эгирин, устав смотреть на ужимки братьев. – Какое «такое»?

– Выпускник, занявший третье место, – вновь вмешался Аметрин, – получает энергию рубина и звание Рубинового мага третьего уровня. И он будет учиться не у мастера, а у настоящего викариума. И потом может стать его помощником.

– Ничего себе, – пораженно выдохнули Луна с Эгирином.

– Это вы еще другие призы не знаете, – хохотнули Пиритти с Пироппо.

– Да-да, – подхватила Сентария. – Я мечтаю занять второе место. За него дают мудрость жемчуга, то есть способность запоминать все, что когда-то прочитал или увидел.

– Зачем тебе это? – рассмеялась Луна. – У тебя и так не голова, а энциклопедия!

– Эх, тебе не понять, – вздохнула Сентария.

В своих мечтах она уже видела себя профессором в окружении пробирок и реторт². А рядом в горшке благоухал ее личный цветок сентариум прекраснейший, который она наконец-то смогла вывести, получив мудрость жемчуга.

– Почему не понять? – возразила Луна. – А наставником, видимо, будет сам правитель?

– Ага, – кивнула Сентария с блаженной улыбкой.

– Выходит, первое место дает возможность учиться у старейшин? – догадалась Луна.

– А то! – воскликнул Пиритти. – А еще силу алмаза и титул Алмазного мага первого уровня.

– Для меня учиться у правителя – это уже за гранью возможного, а о старейшинах я и думать боюсь, – признался Аметрин. – Теперь вы понимаете, почему вокруг поединков такой ажиотаж. Я рад, что в этом году их решили возобновить. Уверен, с экзаменами я справлюсь. Я даже заявку уже написал. Осталось только внести в нее полученные баллы, и можно готовиться к поединкам.

Эгирин взволнованно посмотрел на него.

– Учиться у величайших людей Драгомира! Конечно! Есть от чего потерять голову. Да еще и получить дополнительные способности. Я тоже хочу поучаствовать! – загорелся он.

– Понимаю, многие хотят, – кивнул Аметрин. – Я, например, мечтаю попасть к господину Гелиодору или Андалузиту, чтобы после обучения у них стать хорошим воином. Защищать Драгомир, стоять в первых рядах, вместе с правителями, а не за их спинами, – моя самая большая мечта.

– И моя! – поддакнул Пиритти.

– И моя! – тут же влез Пироппо.

– Но вы бы могли поучиться у своего отца, он же военный викариум, – недоуменно сказал Эгирин.

² Реторта – емкость с загнутым книзу носиком, которая используется для нагревания жидкостей при химических опытах.

– Так не принято. Я могу получить доступ к тайнам военного дела только после того, как заслужу это, докажу, что достоин доверия. Для этого нужно победить в поединках. Но я уверен, что у меня получится.

– Ты особо-то не зазнавайся, – усмехнулась Сентария. – Соперники у тебя будут тоже сильные.

– Кого ты имеешь в виду? Своего ненаглядного Оникса? Да я в два счета его одолею, – хмыкнул Аметрин.

– Во-первых, он не мой ненаглядный, а просто друг, – щеки Сентарии порозовели от досады. – Во-вторых, Кианит тоже наверняка будет участвовать. Если бы поединки заключались только в состязаниях на выносливость и силу, ты, может, и выиграл бы. Но на некоторых этапах задания интеллектуальные и на магическое мастерство...

– То есть ты хочешь сказать, что я глупее Кианита с Ониксом? – неожиданно разозлившись, перебил Аметрин.

Пиритти с Пироппо многозначительно переглянулись, но, увидев гневную складку на лбу старшего брата, передумали хихикать.

– Эй, друг! Полегче, – Эгирин встал между Аметрином и Сентарией. – Не надо кричать, не горячись. Ты чего?

Сентария упрямо вздернула подбородок и, выглянув из-за плеча Эгирина, прошипела, хотя Луна предостерегающе сжала ее ладонь:

– Внушительные мышцы еще не признак большого ума!

Пиритти и Пироппо, чуть не лопааясь от смеха, который грозил вырваться наружу, издавали хрюкающие и булькающие звуки.

– Что?! – Аметрин, отодвинув Эгирина, как гора навис над девушкой, которая едва доставала ему до плеча. – Ну и иди куда подальше вместе со своими Ониксами и Кианитами!

Глядя на побагровевшего Аметрина, Луна немного опешила. Она видела его всяким, но еще ничто на ее памяти так не выводило его из себя, даже бесконечные проделки Пиритти и Пироппо.

У Сентарии на глаза навернулись слезы. Пытаясь их сдержать, она крепко сжала кулаки. Чтобы скрыть обиду, девушка фыркнула и отвернулась, пробурчав себе под нос:

– Выращу самый уродливый цветок и назову его аметриниум наипротивнейший.

Луна чуть не рассмеялась, но потом серьезно обратилась к Аметрину:

– Ты не прав. Сентария вовсе не хотела тебя обидеть. Она всего лишь сказала правду. У тебя есть достойные соперники. Кианит и Оникс также могут выиграть главный титул. Сильвина с Виоланой, как и ты, прекрасно окончили школу и тоже наверняка захотят участвовать.

– И я, – заявил Эгирин. – Теперь ты скажешь Сентарии, чтобы она шла куда подальше вместе с Ониксом, Кианитом, воздушными подружками и мной? Нельзя недооценивать соперников. Это самая большая ошибка при любых военных действиях. Ты как будущий военный должен это знать.

Аметрин глубоко вздохнул, ему уже стало стыдно. И правда, чего он так завелся?

– Извини! Не знаю, что на меня нашло, – проговорил он, избегая смотреть Сентарии в глаза. – Просто я не доверяю Ониксу. Не знаю почему. Слишком он какой-то умный, что ли. Да еще и ходит за тобой как привязанный.

Та смерила его многозначительным взглядом и отвернулась, приняв самый высокомерный вид, который только могла.

«Сдается мне, дело пахнет ревностью», – чуть не сказала Луна, однако вовремя прикусила язык, опасаясь очередной вспышки гнева. Но любопытного взгляда все же не сдержала. А уж Пиритти с Пироппо вовсю пялились на старшего брата. Долго сдерживаемые ухмылки все же вырвались наружу, растянув рты до самых ушей.

– Чем он тебе не нравится? – спросил Эгирин. – По мне, так он сильный маг.

– Не знаю, – проворчал Аметрин. – Просто не нравится, и все. Эти его шуточки постоянные. А еще дурацкий хвостик. Это же надо себе такую прическу сделать. Шут и пустослов, одним словом.

– Теперь больше нет ни шуточек, ни хвостика, – возразила Луна. – Оникс постригся и оставил привычку всех подначивать. И вообще сильно изменился. И с тем, что он талантлив, я соглашусь. Мне он здорово помог, научил древнейшему заклинанию. Так что ты несправедлив.

– А если кто-то не в духе, то пусть пойдет и покричит, к примеру, на бревно или на забор, а лучше в зеркало, чтобы соперник соответствовал его габаритам. К тому же будет прекрасно, если этот кто-то увидит себя со стороны, – язвительно проговорила Сентария, по-прежнему обиженная на Аметрина, невзирая на все его извинения.

– Да понял я, понял, – примирительно пробубнил Аметрин. – Больше не трогаю вашего драгоценного Оникса.

– Да не наш он! – уже хором воскликнули возмущенные девушки.

– Ну что, выяснили наконец, чей Оникс? – с сарказмом сказал Эгирин. – Я могу задать вопрос?

– Конечно, – закивали друзья.

– Значит, в случае победы в поединках можно будет продолжать обучение, но уже под руководством самих старейшин или правителей?

– Да, ты правильно понял.

– А я тоже могу подать заявку?

– Не уверен. К поединкам допускаются только выпускники, а у тебя впереди еще школа целителей, – покачал головой Аметрин. – Ты сможешь подать заявку на будущий год. Как раз успеешь в ускоренном режиме окончить школу Манибиона.

– Я тоже в следующем году хочу участвовать, – сказала Сентария. – Мечтаю получить мудрость жемчуга. Ты можешь пойти со мной. Я буду рада. Интересно состязаться с достойными соперниками.

– В семнадцать лет и в поединки? Ну уж нет, – не согласился Эгирин. – Мне будет стыдно соревноваться с вами.

Не в обиду тебе, – уточнил он, глядя на Сентарию, которая готовилась возразить. – Я вовсе не считаю тебя слабой или что ты там еще успела придумать. Просто мне самому будет неловко, будто я поступаю нечестно.

Сентария, которая уже успела набрать воздуха и приготовить целую кучу возражений, на секунду задумалась и шумно выдохнула, признавая правоту Эгирина.

– Но что же делать? Как ты можешь участвовать в этом году, если ты не закончил школу Манибиона? По идее, тогда у тебя должны были быть двойные экзамены. А ты готовишься к сдаче только земной магии. Без целительства нельзя.

– Я думаю, можно сделать следующее. Я сдам экзамены в Смарагдиусе и как выпускник земной школы пойду участвовать в поединках. Но, учитывая, что у меня два дара, в случае победы наставником для себя я выберу правителя или старейшину Манибиона и тем самым получу возможность изучать целительство.

– А это идея. Так будет даже лучше, – задумчиво проговорил Аметрин. – Можно попробовать поговорить с правителями. Нужно получить их разрешение. Если все удастся, я был бы рад соревноваться именно с тобой.

– Ну да, – ухмыльнулся Эгирин, – у меня же нет хвостика и дурацких шуточек.

– Да нет, дурацкие шуточки у тебя все-таки есть, – захохотал Аметрин.

Довольные друзья хлопнули друг друга по плечам так, что, будь на их месте кто послабее, не устоял бы на ногах.

– Идея, конечно, прекрасная, – тихо сказала Луна. – Только старейшины Манибиона до сих пор нет. Никого не назначили после Празета.

Все притихли и тяжело вздохнули, вспоминая Празета, который совсем немного не дожил до освобождения Драгомира от проклятия Жадеиды. Продолжавший лечить людей несмотря ни на что, он уже был почти седым и готовился в любой момент перейти в мир забвения, приняв на себя муки, на которые обрекало целителей проклятие.

Один из учеников Празета умер, когда его голова полностью побелела, испытав перед смертью все те болезни и ранения, от которых он излечил пациентов. После этого целителям запретили лечить как раньше. Драгомирцы, боясь потерять целителей, стали обращаться за помощью гораздо реже.

Только Празет не слушал никаких запретов и брался за самые тяжелые и сложные ранения, не давая никому приблизиться к пострадавшему. Он готовился умереть на посту. Но судьба распорядилась иначе.

Празет ушел тихо, без мучений, замерзнув во сне, в ту роковую ночь, когда ведьма наслала на Манибион леденящий холод.

Луна долго плакала, узнав о его гибели. Но она понимала, что, если бы Празет не замерз в ту ночь, он все равно не дожил бы до исчезновения проклятия. Останься он в живых, он обязательно бросился бы помогать пострадавшим от оледенения. Попытался бы спасти замерзших насмерть воинов. И тогда мучительная смерть настигла бы его самого.

Значит, нужно было смириться со случившимся и признать, что судьба уберегла Празета от страшных мучений. Из уважения к его памяти место старейшины Манибиона пока пустовало. Но так не могло продолжаться вечно, рано или поздно новый старейшина заступит на свой пост.

Раздумывая об этом, друзья продолжали путь.

2

- Ой! Как мы рады вас видеть!
- А вы знаете, зачем нас собирают?
- Луна, тебе-то точно должно быть известно!

Друзья добрались до центральной площади Манибиона, где их ждали остальные участники сражения с ведьмой. И Сильвина с Виоланой, как всегда, оглушили их, тут же перетянув внимание на себя:

- А про поединки слышали?
- Столько лет не проводили – и на тебе! Повезло так повезло!
- Это потому что мы выпускаемся. Мы же лучшие! Вот для нас и поединки!
- Аметрин, ты пойдешь?

Друзья не успевали отвечать. Сильвина с Виоланой тут же обрушивали на них шквал новых вопросов, попутно кокетничая с Аметрином и Эгирином. Луна и Сентария натянуто улыбались.

– Аметрин, если будет испытание страхом, ты же спасешь меня? – тянула Сильвина. – Как настоящий воин, да?

– Эгирин, а ты пойдешь? Я бы хотела посоревноваться с тобой, – щебетала Виолана, хлопая ресницами так, что Луна все больше мрачнела, глядя на это.

Некоторые кристаллианцы могут довести кого угодно своей заносчивостью. Еще бы! Ведь они умеют летать. А Сильвина и Виолана после победы над ведьмой стали совсем невыносимыми. Все стонали от их хвастовства. Благо, что экзамены на носу. Еще немного, и даже школьные стены вздохнут с облегчением, избавившись от непомерной гордости двух учениц.

Кианит и Целестина учились в Сафайрине и поэтому лишь добродушно посмеивались, глядя на взволнованных девушек, чьи волосы стояли дыбом и напоминали пенную шапку у подножия водопада. А ведь накануне мастерицы долго и тщательно укладывали их легчайшие голубоватые локоны. Но Сильвину с Виоланой так будоражила тайна, окружавшая предстоящий праздник, что прически буквально разлетались во все стороны. Хорошо хоть платья оставались по-прежнему великолепными.

Луна невольно залюбовалась воздушными красавицами. Хоть она сейчас и злилась, но все равно не могла не признать, что девушки Кристаллиума – самые удивительные жители Драгомира и меньше всего похожи на обычных людей. Очень худенькие, почти прозрачные, с такими утонченными чертами лица, что человека одолевала сомнения, настоящие ли они. Бездонные голубые глаза завораживали и обволакивали. Просто не верилось, что их цвет настоящий.

Правда, сейчас Сильвина с Виоланой выглядели так забавно, что друзья не выдержали и рассмеялись. Девушки, взглянув друг на друга, всплеснули руками и умчались поправлять прически. Шлейфы их праздничных платьев взметнулись, обдав запахом духов.

- Ну что ж, – беззлобно проворчал Кианит, – теперь можно и поздороваться.

Он церемонно склонил голову перед Луной и Сентарией и обменялся рукопожатиями с Аметрином и Эгирином. Пиритти с Пироппо тоже сунули ему свои не совсем чистые ладони. Кианит ничего не сказал и крепко пожал им руки, отметив, как те подросли. Пиритти, которому уже исполнилось одиннадцать, резко обогнал в росте младшего брата, и если раньше их частенько путали, то теперь стало четко видно, где кто. Но несмотря на то, что Пиритти вырос, серьезности в нем не прибавилось ни на грамм. Братья по-прежнему доставляли всем кучу хлопот своими проделками, но после победы над Жадеидой им прощалось всё, ну или почти всё.

Малышка Яшмина за прошедшие полгода тоже вытянулась, округлые щечки пропали, а большие янтарные глаза серьезно смотрели с похудевшего лица. Сегодня, с огромным бантом и в пышном платье, она выглядела как кукла и так и светилась от гордости. Пусть она ничего не сделала во время последней схватки с ведьмой. Зато она не плакала и верила, что все получится. Поэтому Яшмину тоже пригласили на таинственное торжество.

Неподалеку от нее стоял понурый Оникс. Ему очень не понравилось, что Сентария поехала в Манибион с Эгирином и забыла про него. Поэтому сейчас он не обращал на нее внимания и преувеличенно оживленно разговаривал с Целестиной. Сентария заметила это и, внутренне отругав себя за невнимательность, присоединилась к их разговору.

Неожиданно с неба раздался глухой рокот. Друзья задрали головы и открыли рты от изумления. Яшмина не выдержала и громко завизжала. Прямо к ним со стороны Кристаллиума приближалась какая-то невероятная конструкция. Это был летательный аппарат с перламутровыми крыльями, державшийся в воздухе за счет большого шара, наполненного газом.

Управляли им Александрит и Гелиодор. С помощью специальных рычагов они приводили в движение крылья, чья тень накрыла всю площадь. Рядом летели Криолина с Нефелиной и несколько крепких воздушных драгомирцев. Видимо, на случай, если что-то пойдет не так. Но все было в порядке. Аппарат ловко завис над ошеломленными друзьями, и вниз упала веревочная лестница.

– Добро пожаловать на борт лунфилета! – зычно прокричал Гелиодор.

– Что-что? – встрепнулся Фиччик. – Мне послышалось, или прозвучало мое имя?

– Нет, я тоже слышала, – откликнулась Луна.

Пиритти и Пироппо уже бросились к веревочной лестнице и, как обезьянки, быстро поползли наверх. Но их обогнал Фиччик, стремительно взлетевший к чудо-машине. Сев на плечо Гелиодора, он, перекрывая шум ветра и хлопающих крыльев, переспросил:

– Как называется этот аппарат?

– Лунфилет, – повторил Гелиодор.

– Но... это же очень похоже на мое имя?

– Да, мы назвали его в честь тебя. «Лунфич» плюс «летает» – получилось «лунфилет».

– Правда? – на глаза Фиччика от волнения навернулись слезы.

– Конечно. Именно ты, превратившись в могучего Лунфича, натолкнул нас на мысль о создании такого аппарата.

– Эта чудесная машина названа в честь меня, – прошептал Фиччик.

Улыбка начала расплзаться по его мохнатой мордочке.

– Эта машина названа в честь меня! – во все горло завопил он и спикировал вниз, бесконечно повторяя: – В честь меня! В честь меня!

Вся компания, балансируя на веревочной лестнице, поднялась на борт.

– А мы не упадем? – замирая от восторга, спросила Яшмина.

– Нет. Мы много раз его испытали, – ответил Александрит.

Управляя диковинным аппаратом, он даже растерял свою обычную величавость и невозмутимость. Глаза правителя блестели, совсем как у детей.

Лунфилет был сделан из распиленного вдоль ствола огромного дерева с выдолбленной сердцевинной. Вдоль стен, обшитых тканью, тянулись скамьи со спинками, на которых устроились ребята. В центре, на возвышении для пилотов, сидели Гелиодор и Алекс. Они должны были нажимать на рычаги, чтобы запускать крылья, которые поднимались и опускались, задавая направление движения и темп.

Гигантские крылья лунфилета очень походили на крылышки Фиччика, который уже сообщил об этом всем вокруг. Они были сделаны из длинных гибких стержней, обтянутых тонкой, но очень прочной тканью, которую заказали у мастериц Кристаллиума. Летописи подтверждали, что именно в этом петрамиуме испокон веков жили лучшие кружевницы.

Поэтому изобретатели лунфилета обратились именно к ним с просьбой создать прочный материал. В Драгомире говорили, что в свои изделия воздушные кружевницы вплетают нити облаков. Версия красивая, но не совсем правдивая. На самом деле мастерицы сотрудничают с анималиумами из Смарагдиуса, которые собирают для них шелковую нить, получаемую из коконов бабочек. Этих бабочек разводят в специальных лабораториях.

Луна неоднократно бывала там и каждый раз с удивлением наблюдала за процессом создания шелковых практически невидимых нитей.

В этот раз кружевницы особенно постарались. Ткань отличалась эластичностью и могла растягиваться и сжиматься, оставаясь целой. Кроме того, им удалось получить тот же самый перламутровый оттенок, как и на крыльях Фиччика, которыми он так любил хвастаться.

Виолана и Сильвина, закончившие с прическами, подлетели к аппарату и принялись восхищаться тканью крыльев. Девушки тут же решили выпросить у кружевниц хотя бы носовой платочек такого же оттенка.

– Как главным спасительницам Драгомира, они обязаны выделить нам несколько метров такой красоты, – рассуждали они, моментально забыв, что собирались просить только о платочке.

Пиритти и Пироппо опасно перегнулись через борт, пытаясь разглядеть механизм, приводящий в движение крылья. Но так ничего и не увидели. С разочарованным вздохом братья сели обратно. Правда, только после замечания, сделанного сначала Аметрином, а затем и самим Гелиодором.

– Я все обязательно покажу, когда окажемся на земле, – пообещал огненный правитель. – А пока сидите смирно. Особенно те, кто не умеет летать.

Дети продолжали крутить головами и восхищенно ахать.

В передней части лунфилета находился большой штурвал. Перед полетом Алекс и Гелиодор, совсем как дети, чуть не поссорились за право управлять аппаратом. В итоге после вмешательства Нефелины им пришлось тянуть жребий, и удача улыбнулась Алексу. Но, видя, как расстроился Гелиодор, он пообещал, что на обратном пути даст другу прорунуть.

Взявшись за штурвал, Александрит совсем по-мальчишески прокричал:

– Вперед!

– Ура! – что есть мочи завопили Пиритти с Пироппо.

Через секунду кричали уже все.

В лицо дул теплый ветер, а земля тут же пропала из виду. В животах что-то тревожно ухало, но страх затмевался сумасшедшим восторгом. Им казалось, что они летят в невесомости, не чувствуя тяжести своих тел.

– Как же я завидую тем, кто умеет летать, – восхищенно вздохнула Сентария.

– Да ладно, – отмахнулась Сильвина. – Это только в первые разы так! Потом уже относишься к полету как к чему-то совершенно обычному.

– Конечно, – снисходительно рассмеялась Виолана. – Ты же не восхищаешься каждым своим шагом или вдохом. Или распускающимся цветком.

– Нет, я до сих пор восторгаюсь, когда вижу, как раскрывается бутон, – не согласилась Сентария.

– Какая романтическая натура, – захихикали девушки. – Совсем еще ребенок.

– Я думаю, это скорее достоинство, чем недостаток, – вмешался Аметрин, видя, что смех девушек задел Сентарию и та слегка покраснела.

От его слов она зарделась еще больше и, фыркнув, что не нуждается в защите, отвернулась и стала молча смотреть вдаль.

Луна, которая уже не раз испытала восторг полета, интересовалась самим аппаратом. Осматривая его, она замечала все больше сходства с Фиччиком. Сзади у лунфилета даже был

прикреплен маленький хвостик, который развевался на ветру. От встречного потока воздуха защищали два выпуклых стекла, очень похожих на глаза хранителя.

3

Лунфилет сделал пару кругов над порталом, возле которого собралось огромное количество народу, и завис в воздухе. Под восторженный рев толпы герои дня начали спускаться по веревочной лестнице. Неожиданно раздался голос церемониймейстера, многократно усиленный говорильной трубой, похожей на закрученный рог муфлона³:

– Первой спускается наша драгоценная малышка Яшмина! Своим мужеством и отвагой она поддерживала боевой дух команды, сплотившейся, чтобы дать отпор злой колдунье.

Драгомирцы приветственно завопили во все горло. Яшмина, покраснев как помидор, поспешила вниз. Оказавшись на земле, она поправила съехавший набок бант и начала испуганно озираться в поисках мамы. Глаза девочки уже наполнились слезами, когда наконец сквозь толпу к ней пробилась молодая женщина и крепко взяла ее за руку. Яшмина тут же успокоилась. Девушки в летящих зеленых платьях проводили их на почетную трибуну, утопавшую в цветах.

– Поприветствуем Сентарию, нашу спасительницу! Она не только помогла дать отпор ведьме в последнем сражении, но и составила уникальный рецепт яда для колдовских насекомых.

Ошеломленная Сентария спрыгнула на землю с последней ступеньки, которую придерживал высокий красавчик из Гарнетуса. Другой рослый юноша подал ей руку и повел к почетной трибуне. От смущения девушка не могла поднять глаз и, если бы не провожатые, пару раз точно бы растянулась или врезалась во что-нибудь.

– А вот и наши воздушные красавицы, Сильвина с Виоланой, – продолжал греметь голос церемониймейстера. – Именно они сбили с пути ведьму и заманили ее на вершину горы. Своим искусным колдовством они так заморочили ей голову, что она не понимала, куда идет.

Девушки, в отличие от Сентарии, и не думали смущаться. Они плавно скользнули вниз, естественно, не воспользовавшись лестницей. Но подлетать сразу к трибуне не стали. Разве могли они отказаться от почетного сопровождения! Тем более встречающие были все как на подбор – элита огненных войск. Сильвина с Виоланой подхватили под руки оторопевших молодых воинов и, без умолку щебеча, потащили их к почетной трибуне. На сей раз уже провожатые смутились так сильно, что их пунцовые щеки были видны, казалось, из любой точки Драгомира.

– А теперь представляем вам Кианита и Целестину, гордость Сафайрина. Своими чарами они запутали ведьму, и та, несмотря на земной дар, заблудилась в лесу. Созданный ими волшебный ручей кружил злодейку, пока она совсем не выбилась из сил.

Кианит шумно спрыгнул на землю. Целестина немного замешкалась. Ее оглушил рев толпы. Но долго стесняться им не дали. Под громкие приветственные возгласы прелестная травница из Смарагдиуса и молодой воин из Гарнетуса подхватили их под руки и проводили к почетным местам. Кианит шел размашистой походкой, по-военному выпрямив спину, Целестина гордо выступала рядом. Варисцит, глядя на внуков, украдкой смахнул слезу.

– И когда они успели так вырасти, – тихонько сказал он Кристолине.

Та вздохнула и мягко улыбнулась, крепко сжав его руку.

– Что же, настала очередь наших бравых воинов. И пусть вас не смущает их возраст, он не помеха смелости. Пиритти и Пироппо тоже участвовали в заманивании ведьмы в ловушку. А про их изобретательность по всему Драгомиру уже ходят легенды, – произнес ведущий.

Драгомирцы, вспомнив бесчисленные проделки братьев, дружно засмеялись. Пиритти и Пироппо с абсолютно невозмутимым видом спустились вниз и, наверное, впервые в жизни

³ Муфлон – дикий баран с большими трехгранными рогами, закрученными по спирали.

не вытерли рукавами носы. Подтянули штаны и, взяв за руки очаровательных травниц, гордо протопали к трибуне. Это выглядело так, будто старшая сестра ведет на прогулку младшего брата. Но, глядя на самодовольных мальчишек, никто не рискнул бы им этого сказать.

– Сразу три воина спускаются к нам. Три надежных плеча, на которые всегда можно опереться. Ой, извините, шесть могучих плеч, – пошутил церемониймейстер. – Именно они являлись ключевыми фигурами во всем сражении. Именно они осуществили весь план. Приветствуем Аметрина, Оникса и Эгирина.

Драгомирцы закричали во все горло. Вверх полетели цветы и шапки. Но Аметрин и Оникс не обращали внимания на эти почести, их заботило состояние Эгирина. Тот выглядел очень мрачным. Ведь сегодня Драгомир праздновал гибель его матери, потерять которую ему было больно, несмотря ни на что. Кроме того, битва забрала и его отца. Эгирин никому не говорил о своих чувствах, но друзья догадывались, что он испытывает. Поэтому они без промедления направились к трибуне. Там к угрюмому Эгирину подошел Сардер и тихо сказал:

– Держись, внук. Мы не можем отказать Драгомиру в праве праздновать победу, каким бы близким ни был для нас враг. Ты заслуживаешь награды, а значит, должен быть здесь. Народ хочет забыть, что ты ее сын, и принять тебя. Кроме того, сегодня будут чествовать и твоего отца. Поэтому держись. И больше никаких церемоний, обещаю.

Эгирин кивнул, сел и невидяще уставился перед собой. Аметрин с Ониксом устроились рядом, своим суровым видом отбивая у желающих охоту поглазеть на сына знаменитой ведьмы, который пошел против нее.

– Настал черед нашей главной героини, нашей гордости и надежды. Той, о ком будут слагаться легенды, складываться песни и сочиняться стихи. Наше чудо! Наш дар! Красавица Луна! – задыхаясь от восторга, объявил ведущий.

Луна, которая тоже переживала за Эгирина, быстро прыгнула с лестницы и заторопилась к трибуне. Но это оказалось не так-то просто. Люди стали засыпать девушку цветами. И ей буквально некуда было ступить, чтобы не затоптать букеты. Нефелина с Криолиной тут же устремились на помощь. Подхватив растерявшуюся Луну, они плавно взлетели над людьми и через мгновение доставили ее прямо на трибуну.

Фиччик очень расстроился. Он бы, конечно, предпочел медленно прошествовать сквозь толпу, раскланиваясь во все стороны. Сначала он хотел надуться, но потом решил не портить себе настроение и принялся хвастаться Лиссе и Серафиму, что в его честь называли чудесный летательный аппарат. Лисса слушала вполуха, приходя в себя после полета, а Серафима, не любившего толкотню, начало клонить в сон. Но Фиччик ничего не замечал.

Гелиодор и Александрит при помощи прочной веревки привязали лунфилет к тяжелому якорю, словно огромный воздушный шар. На всякий случай рядом поставили несколько кристаллианцев.

Наконец все расселись на свои места. И началось торжество.

На сцене появился громадный Рутил в своем кузнечном облачении. Под восторженные вопли зрителей он выкатил повозку с чрезвычайно довольным Лавушкой. Вулкан смешно косил глаза и сыто зевал, пуская небольшие пузырьки, внутри которых плясали крохотные огоньки. Все, кроме уроженцев Гарнетуса, глядя на Лавика, ахали и охали. Большинство драгомирцев впервые так близко видели кузнечный вулкан.

Лавик, радуясь всеобщему восхищению, бурлил кипящей лавой и озарял толпу огненными искрами. Между тем Рутил, надев рукавицы, подвесил над Лавиком большой магический котел и принялся кидать туда гнутые подковы, сломанные наконечники стрел и даже мечи, поврежденные в боях за Драгомир в долгой четырнадцатилетней войне.

– Нас угостят супом из металлолома? – хохотнул кто-то из толпы.

Стоявший рядом пожилой воин сурово глянул на остряка:

– За каждым из этих обломков стоит погибший драгомирец, который защищал нас с тобой.

Остряку стало стыдно. Еле слышно буркнув «извините», он спрятался в толпе.

Тем временем Лавик начал надувать щеки и выпучивать глаза, становясь все краснее. Луна даже заволновалась за него, так сильно он старался. Но это была всего лишь ежедневная работа кузнечного вулкана. Металл в котле расплавился и напоминал теперь огненную лаву, которая булькала внутри Лавика. Рутил зачерпнул жидкий металл специальным ковшом и начал тонкой струйкой разливать его по формам, разложенным на столе. Зрители привстали со своих мест, а кристаллианцы не выдержали и даже взлетели в воздух.

Золотисто-медной тягучей струей жидкий металл заполнял формы. С трудом верилось, что несколько мгновений назад он был тверже камня. Когда металл снова застыл, Рутил ловко вынул его из формы с помощью изогнутых щипцов и сунул в емкость со специальным раствором. Металл угрожающе зашипел, но тут же затих. Помощники кузнеца быстро отшлифовали изделия. Внимательно осмотрев результаты своего труда, Рутил с почтительным поклоном уступил место Гелиодору.

Гелиодор с довольной ухмылкой похлопал Рутила по плечу. Потом откашлялся и заговорил, периодически подглядывая в смятую бумажку, зажатую в огромном кулаке:

– Мы долго думали, как отблагодарить вас. Честно скажу, это оказалось непросто. Невозможно описать, что мы чувствуем сейчас. Вы, дети, спасли нас всех. В то время как мы – такие сильные и опытные – угодили в очередную ловушку ведьмы. А ведь это мы должны были защищать вас, а не наоборот. Мы в неоплатном долгу перед вами. Поэтому мы решили отметить вас орденом мужества. Орденом, который был только что на ваших глазах отлит из боевого оружия защитников Драгомира.

Гелиодор немного осип от волнения и непривычно длинной речи. И тут на сцену вышел Александрит. Из белого бархатного мешочка он достал перламутровый камень.

– Это адуляр, – сказал он, – или лунный камень. Чувствуете, какая негибкая энергия идет от него?

Алекс поднял камень над головой и подставил солнцу. Солнечные лучи, пройдя сквозь грани, коснулись каждого зрителя. И все почувствовали необыкновенное тепло, идущее от адулара.

– Какой красивый... Он прекрасен... – слышалось из толпы.

– Согласен, – кивнул Гелиодор. – Такой же прекрасный, как наша Луна, получившая имя в честь него. Луна! Поднимайся к нам.

Девушка смутилась от взглядов, устремленных на нее, и быстро взбежала на сцену.

Гелиодор взял отлитый Рутилом орден, закрепил адуляр в специальной выемке, а потом приколот к платью Луны.

– Он как будто живой! – потрясенно воскликнула она.

На ощупь орден был теплый, а камень едва заметно пульсировал.

– Он хранит в себе память о наших защитниках. Так что он правда живой, – согласился Гелиодор.

В толпе многие плакали. Но эти слезы смывали боль и приносили облегчение.

Луна никак не могла выпустить орден из рук. Она словно стала с ним единым целым.

– Спасибо вам, – прошептала она.

– Нет, – улыбнулся Гелиодор, – это вам, нашим спасителям, спасибо.

Народ наконец очнулся.

– Луна, Луна, Луна, – раздавалось отовсюду.

Девушка, вновь застенчившись, поспешила занять свое место на трибуне.

Александрит вновь запустил руку в бархатный мешочек:

– На очереди у нас аметрин. Посмотрите на него! Разве он не великолепен?

Он показал ярко-желтый округлый камень с загадочным фиолетовым блеском. Вокруг будто бы сразу потеплело.

– Хранители аметрина всегда выбирали себе умных и храбрых подопечных. Почему? Да потому что аметрин символизирует мир. А значит, его имя достоин носить только величайший воин, который сделает все для того, чтобы не допустить войны! Аметрин! Прощу тебя на сцену.

Аметрин легко взбежал по ступенькам. Луна в очередной раз поразилась тому, как быстро взрослеет ее друг. На сцене стоял настоящий воин, который с достоинством принял награду из рук правителя и церемонно поклонился зрителям. Сопровождаемый овациями, он спустился вниз, на ходу раздавая подаренные цветы девушкам из первых рядов. Те краснели и провожали его восхищенными взглядами.

– Ну все, поклонниц хоть отбавляй, – прошипела Сентария и демонстративно отвернулась от Аметрина, когда тот плюхнулся на свое место.

– Ты что-то сказала? Кого хоть отбавляй? – беззаботно переспросил он.

Но тут Сентарию, к счастью, позвали на сцену.

– Посмотрите на этот камень, в честь которого получила имя Сентария, – говорил Александрит. – Видите? Он весь покрыт трещинками и изломами, которые символизируют незаурядный ум и способности. У этого камня теплая энергия, и все, кто находится рядом с его обладателем, мгновенно успокаиваются и чувствуют себя очень уютно. И это свойство нашей Сентарии. В ее сердце найдется место для всех и каждого.

Сентария, в которой секунду назад не было никакого умиротворения, устыдилась и подумала, что больше не будет шипеть на Аметрина, как кошка, которой наступили на хвост. Она с благодарностью приняла орден и тут же заторопилась назад.

Александрит с Гелиодором продолжали церемонию, награждая каждого участника событий. Наконец очередь дошла до Эгирина. Зрители затаили дыхание.

– Эгирин, – задумчиво проговорил Алекс, показывая зеленый камень с золотистыми краями. – Он выбирает себе в подопечные людей, которые всегда идут к цели. Весьма похвальное качество. Но не для всех. Наша история знает второй камень этого вида – жадеит⁴. Он тоже наделил подопечную упорством, но мы все знаем, куда она, увы, направила свой дар. А Эгирин вложил всю свою энергию в то, чтобы учиться и развиваться. Знания, к которым он шел несмотря ни на что, позволили ему понять границу между добром и злом и сделать правильный выбор. Он не только уберег свою душу от зла, но и не позволил злу захватить всех нас. То, что сделал он, больше подвига. То, что сделал его отец, достойно памяти на века. Поэтому мы приняли такое решение...

Александрит замолчал и, сделав церемониймейстеру знак, отошел в сторону.

Две воздушные девушки подлетели к какому-то большому предмету, стоявшему позади сцены, и стали медленно снимать тяжелую ткань, закрывавшую его. Воцарилась такая тишина, что немного зазвенело в ушах. Перед глазами ошеломленных людей предстал мраморный монумент – это был Морион с ладонями, сложенными лодочкой, откуда рос цветок с тремя бутонами. Вместо первого бутона кружился воздушный вихрь, второй представлял собой фонтан, на третьем танцевали огненные лепестки.

Морион стоял, чуть нагнувшись вперед, словно защищая цветок. Памятник получился настолько похожим, что у всех защемило в сердце. Сардер и Эгирин стояли как оглушенные. По лицу земного правителя медленно текла слеза. Люди в едином порыве наконец-то зааплодировали. Только это были не те страшные монотонные хлопки, которые до сих пор стояли в ушах Эгирина и других детей, а теплые и радостные аплодисменты.

⁴ Жадеит, эгирин – названия разновидностей одного и того же камня, которые отличаются друг от друга незначительными цветовыми вкраплениями.

Александрит вытащил из бархатного мешочка следующий камень, сразу озаривший все вокруг теплым зеленым цветом. Вставив морион в орден, он пригласил Эгирина и Сардера с Янтарией. Сардер, взобравшись на лестницу, прислоненную к монументу, чуть дрогнувшей рукой закрепил орден на памятнике Мориону.

Затем Александрит вынул последний орден и передал Янтарии, которая прикрепила награду на грудь Эгирину.

Драгомирцы выстроились в длинную очередь, чтобы возложить к монументу цветы. Церемония была закончена, и люди постепенно стали расходиться по домам. Наконец площадь у портала опустела. Только правители, а также Эгирин с Луной остались у монумента.

Девушка подошла к отцу.

– Папа, а что означает символ, который Морион держит в руках?

– Это суть нашего мира – Эссантия⁵. Она и есть душа Драгомира, его сознание. Та, которая наделяет нас силой и дает возможность творить чудеса. Та, которая создала Драгомир.

– Но мой символ...

– Да, Луна. Мы никогда не видели Эссантию. Но представляли себе ее именно так: все стихии вместе. Когда на твоем плече появился символ, мы сразу же подумали о ней. Посмотри, здесь есть всё. Сложенные ладони символизируют целительство. Растение – это Смарагдиус, основа жизни. Бутоны – это огонь, вода, воздух, без которых жизнь была бы невозможна. Это и есть истина Драгомира. Поэтому мы взяли твой символ за образец, чтобы представить Эссантию. Надеюсь, ты не против.

– Еще бы я была против, – прошептала девушка и бережно коснулась своего плеча.

⁵ Essentia (лат.) – суть.

4

– Но я хочу, – упрямылся Эгирин, стоявший у большого стола в главном зале Смарагдиуса.

– Эгирин, послушай, это сложно! Я много лет сижу в судействе, и, уверяю тебя, испытания наитруднейшие. Чтобы занять призовое место, нужно быть сильным магом, – устало объяснял Сардер, потирая гудевший висок.

Он понимал желание внука участвовать в поединках, но сердце всячески противилось этому. От переживаний у Сардера с самого утра нещадно разболелась голова.

Эгирин, увидев, что дед морщится от боли, осторожно обошел его сзади и незаметно занес над его головой руку, от которой начало исходить теплое свечение. Через минуту он так же тихо отошел и продолжил неприятный разговор:

– Ты считаешь, что я слишком слаб?

– Нет, Эгирин. Ты очень умен. Но в поединках мало знаний. В первую очередь нужен опыт, а его можно приобрести, только постоянно тренируясь. Ты, увы, был лишен этого. Например, для первого этапа нужно представить такое изобретение, чтобы все удивились. И Эссантия в том числе. Если она сочтет твой труд незначительным или такое уже было изобретено, ты не двинешься дальше. Тебе бы успеть к экзаменам подготовиться. Ну какие могут быть поединки?

– К экзаменам в Смарагдиусе я вполне готов. Да и времени еще полно. Буду усиленно учить. Мне важно сдать их. Я хочу, чтобы меня признали выпускником земной школы и допустили к поединкам.

– Нет! Ты слишком много на себя берешь. Сдашь экзамены, перейдешь в Манибион, а вот на следующий год... – начал горячиться Сардер.

Он по привычке потер висок и неожиданно понял, что боль исчезла. Резко крутанувшись на стуле, он впериł строгий взгляд в невинные глаза внука.

– Ты, что ли, поколдовал, пока мялся за моей спиной? – воскликнул он.

– Нет! Что ты! – с сарказмом ответил Эгирин. – Я же ничего не умею.

– Что за шум? Кричите так, что вас слышно даже из сада, – раздался мелодичный голос, и в комнату вошла Янтария.

Длинные рукава изумрудного платья развевались, как крылья диковинной птицы.

– Кто-нибудь собирается мне ответить или я тихо говорю?

Сардер и Эгирин опустили глаза, словно нашкодившие школьники, и что-то невразумительно промычали в ответ. Когда нужно, Янтария могла быть негибко твердой.

– Я должна повторить вопрос? – она приподняла темно-зеленые брови.

– Да просто я... Мы тут... – начал Эгирин, судорожно подбирая слова.

Он не знал, как рассказать обо всем, чтобы это не выглядело, словно он жалуется на деда. Сардера Эгирин любил. Да и вообще, в шестнадцать лет ябедничать уже не к лицу.

– Ничего такого... Просто мы... – Сардер тоже не знал, как рассказать жене обо всем, чтобы не нажаловаться.

Внука он любил не менее сильно, чем тот его, и тоже не хотел быть ябедой. Ябедничать в шестьдесят три года тем более не к лицу.

– Понятно, – фыркнула Янтария. – Вы опять спорите о поединках. Сардер, дорогой, ну почему ты упрямышься? Позволь мальчику участвовать. Неужели ты не веришь, что он справится?

– Но, дорогая... Я как никто другой знаю, какие там испытания. И ему некогда к ним готовиться. С нового учебного года он должен начать учиться в Манибионе. Какие могут быть поединки?

– Тс-с-с, – Янтария прижала палец к губам, – не горячись. Подумай сам. Больше у мальчика не будет такого шанса.

– Да! – поспешил поддакнуть Эгирин, обрадовавшись неожиданной поддержке.

Видя непримиримую позицию деда, он был уверен, что бабушка уж точно его никуда не отпустит.

– Почему не будет? Закончит Манибион и затем будет принимать участие в поединках на общих основаниях, как положено.

– А ты бы хотел соревноваться с участниками младше тебя? – вкрадчиво проговорила Янтария. – Для него это будет что-то вроде унижения.

– Да! – вновь вмешался в разговор Эгирин, который еле сдерживал себя, чтобы не разразиться многословной тирадой.

– Подумаешь! Всего лишь год разницы.

– Но, дорогой, это для нас с тобой год – пустяк, а для их возраста это целая пропасть.

– Да! – в третий раз поддакнул Эгирин и с надеждой посмотрел на деда.

Сардер задумался. Его лоб перерезала глубокая морщина, а губы упрямо сжались. Но долго он бы не смог продержаться. Как тут возражать, когда на тебя с такой надеждой смотрят две пары одинаковых зеленых глаз?

– Ну ладно, – со вздохом сказал он. – Только нужно получить одобрение стеллиума. Все-таки допуск тебя к поединкам – это нарушение правил.

– Я же не виноват, что все так сложилось.

– Конечно, не виноват. Поэтому я и разрешаю тебе попробовать.

– А давайте прямо сейчас поедem и узнаем, можно ли мне участвовать? Я не смогу ждать еще целый день.

Эгирин не мог даже спокойно стоять на месте. Сардер, ворча, поднялся из-за стола:

– Хорошо-хорошо, поехали. Позови Сентарию, она будет рада повидаться с Луной, да и тебе понадобится поддержка. Ждать вердикта придется долго. Уж что-что, а посовещаться мы любим. Но не забывай – последнее слово будет за Эссантией.

Эгирин, забыв, что ему уже шестнадцать и он без пяти минут выпускник, перескочил через подоконник и помчался по саду, во все горло зовя Сентарию, которая, как всегда, возилась в своем экспериментальном уголке. Услышав о предстоящей поездке, та собралась в мгновение ока. И вскоре все трое пустились в путь, отправив гонцов к остальным правителям.

Тем временем Аметрин тоже решил обсудить с отцом свое участие в поединках. Утром после завтрака он поспешил к нему в кабинет, чтобы посоветоваться по поводу предстоящих испытаний. Каково же было его изумление, когда отец резко оборвал разговор в самом начале:

– Ты не будешь участвовать в поединках!

Аметрин подумал, что ослышался.

– То есть как не буду? – растерялся он.

– Что тут непонятного?

Гиацинт заложил руки за спину и отвернулся к окну. От всей его позы веяло таким холодом, что Аметрин невольно поежился.

– Но почему?

– Потому что я не позволю своему сыну участвовать в балагане.

– Но, папа! Это же величайшие поединки! Какой еще балаган?

– Не понимаю, почему я должен тратить время, объясняя очевидное. Я был о тебе более высокого мнения.

Аметрин разозлился. Совсем не так он представлял себе этот разговор. Он собирался показать отцу свое изобретение, которым очень гордился. И вдруг такая реакция.

– Вынужден признаться в своем скудоумии и нижайше прошу пояснений, – с трудом сдерживаясь, произнес Аметрин.

Изо всех сил стараясь не надерзнуть, Аметрин невольно перешел на витиеватый язык хранителя Луны. Но, в отличие от Фиччика, получилось у него не забавно, а язвительно, что еще больше разозлило отца.

– Придержи язык, – прикрикнул Гиацинт, по-прежнему не оборачиваясь.

Аметрин, чувствуя себя то ли непочтительным сыном, то ли полным тупицей, пробормотал:

– Но я правда не понимаю...

– Что здесь непонятного? У тебя нет шансов. Победа достанется отпрыскам наших обожаемых правителей.

– Ты имеешь в виду Кианита с Эгирином?

– А кого же еще?

– Нет, отец! Неважно, что они внуки правителей! Это не дает им никаких привилегий!

– Это ты так думаешь. Но на самом деле там все подстроено. И я не позволю тебе позориться.

– Неправда! Поединки – честные соревнования. Они устроены так, что сжульничать невозможно.

– Да? А почему тогда в судейской коллегии сидят правители? А я тебе скажу! Они там сидят, чтобы помогать своим дочкам-сыночкам или любимым ученикам...

– Ну нет! Позволь мне с тобой не согласиться, отец. Правители никогда не давали повода усомниться в своей честности. А сидят они там, чтобы участники не хитрили. И баллы считают. От них же ничего не зависит, это всем известно.

– Это все твоя Луна! Крутишься там возле нее во дворце, а потом их защищаешь! Но я знаю, что говорю. Поэтому ты в поединках участвовать не будешь. И точка!

Неизвестно, на что рассчитывал Гиацинт. На то, что Аметрин покорится и забудет о поединках? В таком случае он плохо знал своего сына.

– Ну уж нет! – вспыхнул Аметрин. – Я не верю, что правители помогают своим детям и внукам. Хочешь так думать – думай, а я буду участвовать, и ты мне не запретишь! В конце концов, мне уже шестнадцать.

– Это что за тон? – Гиацинт тоже повысил голос.

Он наконец-то повернулся к сыну и отошел от окна. Его янтарные глаза сузились, а лицо исказилось от гнева.

– Я сказал нет, значит, нет! Как ты смеешь спорить и не подчиняться?

– Я не твой солдат! Я твой сын. Ты не можешь мной командовать. И мне не нужно твое разрешение. Я уже достаточно взрослый, чтобы самому думать о своей судьбе.

Гиацинт в один миг оказался рядом с сыном и наотмашь ударил его по лицу. Рука Аметрина сначала инстинктивно дернулась, чтобы блокировать удар, но потом безвольно повисла вдоль тела. Лисса, до этого сидевшая на стуле, огненной молнией взлетела ему на плечо, зашипела, взмахнула хвостом, и в Гиацинта полетел сноп искр. Аметрин успокаивающе погладил ее.

Раздосадованно отмахнувшись от искр, Гиацинт произнес сквозь зубы:

– Не смей мне перечить. То, что вы каким-то чудом одолели Жадеиду, не сделало тебя всемогущим. Спустишься с небес на землю! Тебе ни за что не победить в поединках. В финале будут Эгирин и Кианит, а ты слетишь еще в отборочном туре. Нашей семье такой позор не нужен. К тому же у меня на тебя другие планы. Может, тебе даже и экзамены не понадобятся.

Последние слова были сказаны так тихо, что Аметрин не услышал их.

– Я буду участвовать! И теперь я еще больше хочу победить. Чтобы доказать тебе, что ты не прав!

Выкрикнув это, Аметрин с горячей щекой вылетел из кабинета. Он чувствовал себя униженным, и это чувство ему не нравилось. Отец всегда был строг с сыновьями, иначе невозможно поддерживать дисциплину, но чтобы так?!

Высочив из дома, юноша широкими шагами прошел сквозь крохотный сад и, выйдя за забор, сел под раскидистым деревом. Ему нужно было остыть и прийти в себя. Лисса тоже никак не могла успокоиться, она гладила крохотными лапками красную щеку Аметрина и чуть не плакала.

– Я не должна была допустить этого, – сокрушалась она. – Хранители не могут вмешиваться в отношения родителей и детей. Но то, что произошло сегодня, выходит за всякие рамки. Он не имеет права бить тебя. Я должна была... но я растерялась.

Крохотная слезинка скатилась по рыжей шерстке. Аметрин еще раз погладил Лиссу.

– Ты ничего не могла сделать. Я бы все равно не стал драться с отцом.

– Ты как? – тихо спросил Пиритти, подходя к Аметрину и садясь рядом.

С другого бока примостился Пироппо, в чьих глазах стояли слезы. Он-то уже предвкушал, как они с Пиритти будут хвастаться победой брата, в которой оба не сомневались. Но, подслушав разговор Аметрина с отцом, мальчишки вообще перестали понимать, что происходит. А то, что отец не считает важным их участие в победе над ведьмой, оскорбило их до глубины души. Лица братьев горели не меньше, чем у Аметрина, на правой щеке которого все еще виднелся след от удара.

– Нормально, – глухо ответил Аметрин, ни капли не удивившись тому, что Пиритти и Пироппо всё знают.

Сейчас он настолько растерялся, что даже обрадовался их присутствию. Остаться один на один с непонятными мыслями ему не хотелось.

– Что бы там папа ни говорил, мы за тебя! Мы знаем, что поединки честные, и ты обязательно победишь, – воскликнул Пиритти. – И я, когда окончу школу, тоже буду участвовать.

– Я тоже! – подхватил Пироппо.

– Спасибо вам, – Аметрин благодарно потрепал братьев по плечам.

Потом поднялся и побрел ко дворцу, чтобы узнать, не нужна ли там помощь.

Возвращаться домой ему совершенно не хотелось.

5

Через несколько часов в Манибионе стало шумно от гостей. За Гелиодором увязался Аметрин, который хотел отвлечься от ссоры с отцом и поддержать Эгирина. Узнав от гонцов, что во дворец отправилась и Сентария, он разволновался и твердо решил ехать. С Варисцитом приехал Кианит. Ему было до дрожи любопытно, будет ли у него в соперниках Эгирин.

Некоторое время все пили чай и разговаривали. Затем правители направились в зал советов, а ребята – в сад, на ходу обсуждая проблему Аметрина.

Не в силах выносить сочувствующие взгляды, он оглядел живописную компанию и нарочито радостно спросил:

– Какие планы?

– А поехали ко мне в гости, – неожиданно предложил Кианит. – Времени у нас до вечера. Ты, Луна, была у нас всего раз, когда знакомилась с петрамиумами.

– Ничего подобного, я много раз приезжала в Сафайрин.

– К бабушке с дедушкой. У нас ты видела только дворец, а сад пробежала мельком. Там есть на что посмотреть.

– Да-да, – подхватила Сентария, – это что-то грандиозное.

– Да что ты можешь помнить?! Вас привозили на экскурсию в первом классе. С тех пор многое изменилось. Я очень хочу похвастаться нашим садом, уверяю вас, вы будете удивлены.

– Я согласна! – загорелась Сентария, которая обожала все новое и необычное. – И правда, в памяти остались только дома и много-много синего цвета.

– А я тем более поддерживаю. Я вообще никогда не был в вашем саду, – подхватил Эгирин.

– Можно взять лунфилет, – добавил Аметрин. – Он как раз свободен. Так мы сократим путь в несколько раз.

Тут кусты затрещали, и оттуда, к огромному изумлению друзей, высунулись две лохматые рыжие головы.

– Лунфилет? Мы с вами!

– А если не возьмете, мы туда тайно проберемся.

– А если вы нас найдете и прогоните, то мы побежим следом и будем кричать на всю округу.

– И все узнают, какие вы злые и как нехорошо обращаетесь с нами.

– Все будут нас жалеть, а вас ругать...

Фразы вылетали из братьев с сумасшедшей скоростью. Друзья рассмеялись, даже Аметрин не выдержал. Луна весело добавила:

– Мне кажется или кто-то слишком много общается с Фиччиком?

При этих словах Фиччик сделал абсолютно невозмутимое лицо.

Все еще посмеиваясь, Луна предупредила маму и заодно выпросила у нее лунфилет. Нефелина согласилась, но с одним условием – что полетит вместе с ними, чтобы в случае чего помочь. Луна немного обиделась на это решение, ведь она несколько дней в неделю под руководством мамы и бабушки училась летать и уже достигла успехов, но смирилась. Если маме так спокойнее, то пускай. Тем более Нефелина не собиралась гулять с молодежью. Оставив детей в Сафайрине, она планировала навестить в свой бывший петрамиум, чтобы поведать друзей.

Вся компания погрузилась в лунфилет. За руль сел довольный Аметрин, Нефелина, занявшая место второго пилота, бдительно наблюдала за всеми его действиями. Это немного смягчило страдания Пиритти и Пироппо, которые сами хотели управлять лунфилетом и ужасно обиделись. Но потом решили не тратить ни секунды полета на обиды.

Через полчаса они уже спустились по веревочной лестнице около массивных ворот дворцового сада Сафайрина. Луна, пользуясь тем, что мама рядом, рискнула проделать этот путь по воздуху. Крепко держась за мамину руку, она попыталась изящно спланировать вниз. Но ветер бросил ее в полуметре от земли. Лишившись опоры под ногами, девушка приземлилась не совсем изящно, практически кубарем, чуть не упав носом на землю. Так бы и случилось, если бы не твердая рука Аметрина, вовремя пришедшего на помощь.

Аметрин не упустил случая позанудствовать:

– Учись группироваться при падении.

– Без тебя знаю, – буркнула Луна и, погрозив кулаком ветру, со вздохом поплелась в сад.

Аметрин остался, чтобы помочь остальным. После полета он находился в хорошем настроении, сопровождая спуск каждого шутками и смехом. И веселился до тех пор, пока не начала спускаться Сентария. Не глядя на него и с абсолютно каменным лицом, она изящно переступала со ступеньки на ступеньку, как будто это не веревочный трап, болтающийся в разные стороны под порывами ветра, а дворцовая лестница с перилами и удобными ступенями. Аметрин стушевался. Улыбка пропала с его лица, а заготовленная шутка испарилась. И как ни пытался он разыскать ее в закоулках памяти, шутка была утеряна навеки. К своему ужасу, Аметрин вообще не знал, что сказать. Сентария спускалась в полном молчании, тогда как остальные до нее хохотали. Спустившись до последней ступеньки, Сентария проигнорировала протянутую руку, ловко прыгнула на землю и собиралась идти дальше, но он задержал ее.

– Ты все еще обижаешься на меня за тот разговор про Оникса?

Сентария высокомерно пожала плечами.

– Но я же извинился! Мне не по себе, что ты меня избегаешь. Мы же друзья. Или нет?

– Я подумаю, – величественно произнесла она. – Но нет никакой гарантии, что я что-нибудь придумаю.

Сентария стремительно пошла по тропинке в сад. Юноша еще несколько минут постоял в полной растерянности, затем решительно направился следом.

Кианит с гордостью начал экскурсию. Главные ворота сада закрыли, чтобы продемонстрировать гостям их величину. Это были самые большие ворота в Драгомире. Они представляли собой две половинки черепахового панциря. На них помещались морская звезда, кораллы, раковины, камни, отполированные морской водой, а вокруг рассыпались жемчужины. Из всего этого только жемчуг и камни были настоящими; все остальное, в том числе и сам панцирь, выковали из металла мастера Гарнетуса. Поэтому ворота получились такими огромными. Чтобы удержать всю конструкцию на весу, потребовалась вторая, еще более массивная.

Варисцит так же сильно любил свой сад, как Алекс с Сардером, и обожал показывать его. Но это место было не похоже на сад в общепринятом смысле слова.

За тяжелыми воротами красовались два огромных морских конька, выточенных из мрамора так искусно, что многие гости невольно тянулись к ним, чтобы потрогать. Бока коньков были отполированы до блеска. Вскоре даже зародилась традиция: каждый входящий в сад обязательно прикасался к изваяниям – считалось, что они исполняют желания. Кто это придумал – неизвестно, но люди верили.

Вдоль забора росли вековые сосны, кипарисы и высокие ели, отчего в саду всегда царила тенистая прохлада, зеленоватая, как морская вода. Цветы и кустарники прекрасно уживались с деревьями-великанами и отлично чувствовали себя в их тени.

В центре сада находился пруд, а в нем плавал... самый настоящий кит! Только маленький, размером с дельфина. Этого кита по просьбе Варисцита вывели ученые Смарагдиуса. Он плескался в воде и заглатывал планктон, который ему привозили в больших ведрах. Время от

времени кит начинал выпускать высокие струи воды, тогда небольшой водоем превращался в красивый фонтан.

От пруда в разные стороны расходились аккуратные дорожки, выложенные крупной морской галькой. По краям лежали морские раковины. Посетители постоянно брали их в руки, чтобы послушать шум моря, который, казалось, манил за собой.

Кустарники были пострижены в форме морских обитателей: дельфинов, черепах, морских котиков с длинными усами.

Цветы тоже продолжали водную тему. Здесь не было красных, желтых или розовых оттенков. В саду царили синий и голубой. Селекционеры Смарагдиуса специально вывели синие розы, голубые хризантемы, изумрудные лилии, бирюзовые гортензии, лиловые незабудки. Еще в саду росли колокольчики всех оттенков синего, от темно-фиолетового до нежно-голубого.

То там, то тут попадались небольшие пруды. В одном из них жила черепаха Этрустилла⁶ которой было уже столько лет, что никто не помнил, сколько именно. Имя ей придумали, когда она была совсем крошкой и напоминала большую дождевую каплю. Со временем черепаха выросла настолько, что ей отвели отдельный уголок сада с собственным водоемом и песчаным пляжем, на котором она любила возлежать и, медленно поворачивая морщинистую шею, следить за происходящим вокруг. Этрустилла обожала детей и с удовольствием катала их. Правда, делала это так медленно и степенно, что дети предпочитали не ездить на ней, а кататься с ее блестящей спины, как с горки. С громким визгом они слетали в воду, поднимая тучи брызг.

Это был сад, где хотелось задержаться подольше. Сад, который завораживал с первого взгляда и навсегда оставался в сердце. Сафайрианцы часто назначали здесь встречи и свидания.

А дети покидали сад только с наступлением темноты, нехотя разбредаясь по домам-раковинам.

Эгирин с Сентарией, настоящие ценители растений, с головой ушли в рассматривание здешних необычных цветов. Луна с Аметрином просто шагали по дорожкам и крутили головами, рискуя свернуть себе шеи. Пиритти с Пироппо сразу пропали из вида. Их восхищенные «да иди ты» и «фу ты ну ты» доносились как будто сразу из всех уголков сада. Фиччик с Чиру, ящерками братьев и Глаукуссой⁷ – сине-белым моллюском Кианита – оседлали черепаху. Лисса с Серафимом сначала стеснялись, но вскоре поддались всеобщему веселью и с визгом скатились со спины Этрустиллы.

Но вот пришло время собираться домой. Друзья пришли к пруду за своими хранителями, и Этрустилла что-то прошептала на ухо склонившейся к ней Сентарии. Та растерянно оглянулась:

– Она говорит, наши хранители съели ее ужин.

Луна посмотрела на Фиччика. Тот сохранял невозмутимое выражение мордочки, но подозрительно шевелил ушами. И Луна сразу поняла, что он пытается что-то незаметно дожевать.

– Фиччик, – возмутилась она. – Как тебе не стыдно?

– А пофему мне дофно быть фтыдно? – пробормотал тот.

– Ты зачем съел ужин Этрустиллы?

– Кто? Я? – искренне удивился он.

– Ты, ты! И не смей отпираться. Я же вижу, ты дожевываешь чужую еду.

– Да чтобы я, Адуляриус Лунфичилиус Бесстрашный, единственный представитель рода Вульпиус зербариум линксум волантес, ел какую-то черепахью морковку?!

⁶ Stilla (лат.) – капля.

⁷ Glaucus atlanticus (лат.) – голожаберный моллюск главк, удивительное создание насыщенного сине-белого окраса, напоминающего русскую гжель. За необычайную форму получил второе название – синий дракон.

– А откуда ты знаешь, что в тарелке лежала именно морковка? – вкрадчиво спросила Луна.

– Я сказал «морковка»? – приподнял бровки Фиччик. – Ну или что там едят черепахи.

– Вообще-то обычно морские черепахи питаются водорослями, рыбой, рачками и моллюсками, – нравоучительно заметила Сентария. – Это Этрустилла столько лет живет с людьми, что пристрастилась к свежей морковке и салату.

– Ничего я не ел.

– А кто?

– Лунфич! – Фиччик хитро скосил глазки. – Это все он. Он захотел морковки, а я не смог ему отказать. Он такой большой, а я маленький. Куда мне с ним спорить!

Все рассмеялись, глядя на ужимки хранителя. Даже Этрустилла широко раскрыла пасть и вывалила язык, что, вероятно, означало улыбку. Потом они попросили проходившего мимо придворного принести черепахе новый ужин.

– Ну что же, пора возвращаться, – со вздохом сказал Кианит.

День уже клонился к вечеру, и на Драгомир опускались мягкие сумерки. Идя к воротам, друзья любовались садом и молчали. Говорить не хотелось, каждый погрузился в свои мысли. Эгирин вновь начал волноваться о том, какое решение примут правители. Аметрин вспомнил о проблемах с отцом и тоже загрустил.

Друзья попрощались с Кианитом и погрузились в лунфилет, где на месте пилота уже сидели Пиритти с Пироппо, а Нефелина улыбалась, глядя на их возню.

– Что такой невеселый, Эгирин? – спросила она, хитро прищурившись. – Ты должен прыгать до небес, а ты скис, как молоко на солнышке.

Юноша с надеждой взглянул на нее.

– Неужели... да?! – выдохнул он.

– Да, да, да, – звонко рассмеялась Нефелина.

Радость озарила ее лицо, и всем на мгновение показалось, что перед ними сидит юная девочка, удивительно похожая на Луну. Эгирин даже моргнул несколько раз, чтобы наваждение исчезло.

– Криолина специально прилетела ко мне после совета, чтобы я передала тебе эту новость. Сардер зря так волновался, правители приняли идею с воодушевлением. Все верят в тебя. Так что дело за тобой.

– Я не подведу, – одними губами прошептал Эгирин, чуть присев от мощного хлопка по спине, которым на радостях его наградил Аметрин.

– Соревноваться с достойными соперниками, – сказал тот, – это именно то, чего я хочу.

– Началось, – прошептала Сентария Луне, недовольно сморщив нос. – Сейчас опять будет хвастаться.

Но Аметрин благоразумно не стал развивать эту тему. Он молча стащил возмущившихся братьев с кресла пилота и, усевшись за штурвал, уверенно повел лунфилет к Манибиону.

Эгирин, все еще не верящий своему счастью, молча смотрел вниз, прикидывая свое новое расписание, которое позволит уместить в день все, что нужно успеть.

6

Уже со следующего дня Кианит, Оникс и Эгирин начали готовиться к экзаменам и поединкам. Сильвина с Виоланой решили тоже попытать счастья. Аметрин, несмотря на строжайший запрет отца, все равно готовил заявку, но тайно. Пиритти с Пироппо обещали прикрыть старшего брата в случае необходимости. А когда его кандидатура будет утверждена, никто не сможет помешать ему участвовать.

Луна загрустила. Она-то предвкушала насыщенные каникулы, а у друзей совсем не было времени. Даже Сентария, которой пока не грозили выпускные экзамены, целыми днями торчала во Флорессии. Создание сентариума прекраснейшего близилось к завершению. Сентария надеялась, что в этот раз все получится даже без мудрости жемчуга, о которой она мечтала.

Поэтому Луна решила еще пару дней побездельничать, а потом тоже возобновить занятия. Она хотела побыстрее освоить воздушную и водную стихии, а после поединков присоединиться к Эгирину в школе целителей.

Несмотря на ее страхи, обучение давалось довольно легко. Вода принимала девушку как свою. А вот со своенравным воздухом приходилось соперничать. Луна побаивалась ветра, и тот, чувствуя ее страх, постоянно шутил над ней.

Но сегодня она решила не думать об учебе. Только каникулы, отдых и удовольствия.

Побродив по дворцу, Луна надумала прокатиться в Смарагдиус. Раз уж отдыхать ей осталось недолго, то нужно попытаться хотя бы на пару дней вытащить Сентарию из ее бесконечных опытов и напомнить ей, что все нормальные школьники в Драгомире вообще-то наслаждаются каникулами.

Забрав Фиччика из сада, где он предавался своему любимому занятию – ничегонеделанию, – Луна оседлала Джемму и направилась в зеленый Смарагдиус, где все было ей по душе. Джемма тоже радостно гарцевала по изумрудной дороге. Она любила этот петрамиум не меньше хозяйки, ведь здесь росла самая сочная трава.

Только Фиччик приуныл. Слишком много Серафима – и рискуешь получить хронический вывих челюсти от зевания. Когда на Серафима находило, а в лаборатории находило на него часто, он мог переболтать самого Фиччика, бесконечно рассказывая про опыты и эксперименты, не давая вставить ни слова. А Фиччик страсть как не любил, когда кто-то, даже друг Серафим, в чем-то его опережал. Он предпочел бы сейчас съездить в Гарнетус к Лиссе, о чем не преминул сообщить своей подопечной, вздыхая о славных деньках, проведенных на тренировках. Луна рассмеялась. Воспоминания о начале тренировок на спортивной базе Гарнетуса не вызывали у нее никакого желания повторить.

Доехав до Флорессии, Луна отпустила Джемму на лужайку, и та тут же унеслась, смешно задирая копыта. Смарагдианские луга лоснились от свежей травы, вызывая приступы урчания в животе у вечно голодной Джеммы. Поесть лошадь любила ничуть не меньше Фиччика. Девушка улыбнулась и отправилась на поиски подруги.

После получаса поисков Луна увидела неутомимую испытательницу. Сентария в очках, делавших ее похожей на стрекозу сосредоточенно переливала в банку фиолетово-розовую жидкость.

– Луна! Как ты удачно заехала! – воскликнула та, мгновенно бросив свое занятие. – Я как раз заканчиваю, а потом раствор должен настаиваться целые сутки, и мне совершенно нечем будет заняться. Пока он не приготовится, я не смогу продолжать опыт. Я сама собиралась к тебе!

Сентария крепко обняла подругу, обдав ее каким-то новым запахом, от которого и Луна, и сидевший у нее на плече Фиччик мгновенно расчихались. Причем хранитель чихнул так, что

кубарем скатился вниз и упал бы, если бы его не подхватил Оникс, подошедший поздороваться с Луной.

– Давно ты у нас не была.

Та рассеянно погладила Фиччика, который прыгал у нее на плече, трясая головой, словно пытался вытряхнуть из ушей непонятный звон.

– Да как-то не было времени. А кое у кого и до сих пор его нет.

– Да уж, Сентарию даже в каникулы невозможно вытащить из лаборатории, – немного грустно улыбнулся Оникс.

Та смущенно отвела глаза и принялась что-то смешивать в пузатой колбе.

– Ну ладно! Вижу, вам не до меня. Я хотел только поздороваться, – Оникс шутливо поклонился и приподнял воображаемую шляпу. – Приятно было повидаться.

– До свидания, Оникс, – растерянно сказали девушки.

– И часто он к тебе заходит? – хитро прищурилась Луна, когда он ушел.

– Чаше, чем хотелось бы. Я ему нравлюсь, а он мне ни капельки. То есть нравится, но как друг... Ну ты понимаешь.

Сентария перелила раствор из колбы в высокий стакан, взяла с полки ядовито-розовый порошок и аккуратно отмерила его мерной ложкой.

– Оникс очень обиделся на меня, что я пришла на награждение с вами, а его забыла в Смарагдиусе. Он, оказывается, ждал меня возле дома, чтобы добираться вместе, а я ускакала с Эгирином, даже не взглянув в его сторону. А почему я должна о нем думать? Я же не виновата, что мне нравится другой.

Продолжая жаловаться, Сентария не заметила, что порошок заполнил мерную ложку и сыпется в раствор, который начал угрожающе вскипать.

– Что ты делаешь?! – воскликнул Серафим.

– Сама же говорила, – подхватила Луна, – что ядовито-розовые цвета сигнализируют об опасности и нужно добавлять их совсем чуть-чуть. А ты уже полстакана насыпала!

Сентария, словно очнувшись, посмотрела на то, что натворила. Розовый порошок, вступив в реакцию с раствором, превратился в вязкую желеобразную массу, которая начала расти и надуваться, словно мыльный пузырь.

Сообразив, что происходит, Сентария побледнела и закричала:

– Бежим!

Девушки с перепуганными хранителями бросились к выходу, но в ту же секунду раздался оглушительный хлопок.

Пузырь лопнул, обдав их розовой массой, которая попала на волосы, одежду и кожу и тут же застыла, словно бетон.

Фиччик опять затряс головой. К звону добавился противный писк, словно в барабанной перепонке засел комар.

Отовсюду к ним уже спешили люди в лабораторных одеждах. Впереди всех гигантскими прыжками несли бледный Оникс.

– Что случилось? Вы целы?

– Все нормально. Кроме самолюбия, ничто не пострадало, – ответила расстроенная Сентария. – Ну и внешнего вида. Кошмар, на кого мы похожи!

Застывшая масса свисала с волос розовыми сталактитами⁸. Такими же потеками была украшена одежда и обувь. У Фиччика под носом красовалась капля, которая раскачивалась от малейшего движения. Осознав, на что она похожа, хранитель попытался оторвать каплю и взвыл от боли.

⁸ Сталактиты – каменные «сосульки», свисающие с потолка известковой пещеры.

– Сентария, – взвизгнул он. – Как убрать эту дрянь? Я не желаю быть посмешищем всего Смарагдиуса!

– Сейчас, Фиччик, – откликнулась та, с трудом сдерживая смех.

Быстро посоветовавшись с Ониксом, Сентария сказала, что нужно смочить вату специальным раствором и несколько минут подержать, чтобы застывшая масса стала мягкой, тогда ее можно будет снять. Но Фиччика уже понесло.

– Ну все! Я останусь без носа! Без моего блестящего, гладкого, любознательного носа! – гнусаво причитал он.

– Фиччик, перестань! Ничего с твоим носом не случится. Сейчас мы быстренько снимем *это*, – попыталась утешить его Луна.

Невзирая на покрасневшие щеки и выступившие слезы, она все же умудрилась сохранить серьезный вид. Но в голосе ее не прозвучало должного сочувствия, что сразу заметил обиженный хранитель.

– Конечно! Тебе легко говорить. Ты с носом, а я без.

Препираться с Фиччиком можно было бесконечно. Поэтому Луна ограничилась тем, что погладила его по голове, ласково почесав за ушком. Капля на носу вновь закачалась, и девушка отошла, чтобы не расхохотаться в голос.

Тем временем все разбрелись по своим местам, оставив Сентарию убирать все это безобразие. Таков закон лаборатории. Отвлекаясь, испортил опыт – исправляй сам. Девушки окинули взглядом комнату, украшенную розовыми потеками, и хором вздохнули.

– Я никогда не выйду отсюда! – воскликнула Сентария, по трагичности превзойдя самого Фиччика.

– Глупости! Я тебе помогу, – заверила Луна.

– Но мы хотели провести этот день вместе.

– Мы и проведем.

– Совсем не так, как я себе представляла, – сокрушенно пробормотала Сентария и вдруг воодушевилась: – Знаешь что! Оставайся сегодня на ночь? Ты же ни разу не была у меня дома. У Эгирина была, у Аметрина была, даже у Кианита успела побывать, а у любимой подруги ни разу. Нужно это срочно исправить. И вообще, у меня еще никто не оставался с ночевкой, мы же сможем все-все обсудить!

Луна тут же загорелась этой идеей. Воодушевленные подруги быстро привели в порядок себя, комнату и, конечно, нос Фиччика, который теперь украшал пластырь, придающий хранителю очаровательный хулиганский вид.

Затем они зашли к Сардеру, который как раз собирался в Манибион, и попросили передать родителям, что Луна останется на ночь. Оставив Джемму под присмотром дворцовых конюших, они вприпрыжку, словно шестилетние девочки, побежали по зеленой мостовой, ведущей к деревеньке, где жила Сентария с родителями.

– Не верится, что я иду к тебе в гости! Я никогда в жизни не гостила у подруг. Потому что у меня их попросту не было, – восторженно тараторила Луна, торопясь к дому-дереву. – Это праздник какой-то. Да еще не просто так, а с ночевкой. С ума сойти!

Сентария тоже была в восторге. Она давно хотела предложить подруге прийти к ней в гости, но до этого все дни у Луны были расписаны. И вот наконец-то выдался перерыв.

Сентария предвкушала, с каким удовольствием они обсудят всех приличных юношей и вредных девушек. Она обожала болтать. А уж о любви могла говорить вообще без остановки.

7

Радостно щебеча, подружки подошли к крохотной деревушке, в которой жили дворцовые работники, конюхи, повара, горничные и прочий люд, гордившийся близостью ко дворцу и правителю.

Луну всегда привлекали дома-деревья, в которых обитали жители Смарагдиуса. Она частенько любовалась ими из окон школы. Поэтому возможность не просто побывать, а переночевать в таком доме очень ее обрадовала. К тому же Сентария сказала, что ее комната находится на самом верху.

Подбежав к невысокому забору, украшенному веселыми рисунками, Сентария распахнула калитку и склонилась перед подругой в шутливом поклоне, едва не подметя дорожку своим пышным хвостом, собранным на макушке.

– Мой самый дорогой и желанный гость! Пожалуйте в мои скромные владения! Смирно надеюсь, что вам понравится.

– Да ну тебя, – отмахнулась Луна.

Не успели они дойти до двери, как сверху раздался чей-то ГОЛОС:

– Не верю своим глазам! Кто к нам пожаловал! Пóлинг⁹, скорей сюда!

Плавнo слетев на землю с открытой террасы, находившейся в густых ветвях, к ним неторопливо подошла, точнее, подплыла воздушная женщина с пышным облаком нежно-голубых волос. Она была ниже Сентарии, но по вздернутому носу и форме лица Луна сразу поняла, что перед ней мама ее лучшей подруги. Одета в платье с длинной белой бахромой, хозяйка дома походила на ангела, спустившегося с небес.

– Добро пожаловать, Луна. Мы столько слышали о тебе, что оставаться незнакомыми уже просто неприлично.

Луна покраснела. Действительно, столько времени они дружат с Сентарией, та знает ее родных и друзей, а сама она не нашла времени, чтобы познакомиться с семьей лучшей подруги.

– Ну-ну. Не смущайся, я все понимаю. После возвращения в Драгомир у тебя дел нехорошо. Меня зовут Чарoита¹⁰.

– Здравствуйте, – прошептала Луна, чувствуя, как пылают ее щеки.

– Чарoита уже успела тебя повоспитывать? Можешь не отвечать, сам вижу.

К ним широкими шагами приблизился крепкий мужчина с растрепанной гривой, расчесать которую сумел бы лишь гребень с железными зубьями. Луна с трудом удержалась от смеха. Видимо, мучения с волосами достались Сентарии от обоих родителей.

– Здравствуй, Луна, – он схватил ее руку и сильно тряхнул. – Я Полинг, отец этого растрепанного чуда.

Он притянул к себе дочь и потрепал по голове, отчего ее волосы тут же стали похожи на воронье гнездо.

– Ну папа! С ними и так никакого сладу!

– Ха! Мне-то можешь не рассказывать!

– Здравствуйте, господин Полинг, – вежливо поздоровалась Луна.

– Вот еще придумала, – пробасил Полинг. – Никаких господ и госпожов, ой, госпож, госпожей... Ну ты поняла, имени достаточно.

– Хорошо, спасибо, – пробормотала Луна.

– Ну вот! Цвет лица в норме! Наконец-то можно разглядеть тебя. А то я подумал, что ты похожа на устаревший помидор.

⁹ Полингит – минерал желто-зеленого цвета с необычной текстурой.

¹⁰ Чарoит – минерал нежно-фиолетового цвета с шелковым блеском.

– Почему устаревший? – не поняла девушка.

– Я таких лет тридцать не видел. Лиловые – да, синие – да, но чтобы красные? Это давно не модно! – хитро улыбнулся Полинг. – А на Чароиту не обращай внимания. Если она никого не повоспитывала, то день прошел зря.

– Скажешь тоже, – фыркнула мама Сентарии. – Я всегда говорю правду. Девочке уже давно пора было с нами познакомиться.

– Если Луна будет ходить и со всеми знакомиться, то ей целой жизни не хватит.

– Крайне некрасиво критиковать мать в присутствии ребенка, – поджала губы Чароита.

– Ну вот! Я же говорил. Не может моя обожаемая жена без критики. А себя критиковать запрещает. Ладно, пройдемте в дом, – Полинг гостеприимно распахнул дверь.

– Кланяться, как Сентария, нам уже возраст не позволяет, поэтому мы по-простому, без церемоний, – не удержалась Чароита.

– Мама, – возмутилась Сентария.

– Да шучу я, шучу, – неожиданно рассмеялась Чароита.

Смех полностью преобразил ее строгое лицо. Глаза засияли, а на щеках появились две очаровательные ямочки. Луна даже немного расстроилась, что у нее таких нет.

– Правда, надулась, как устаревший помидор, – продолжала Чароита. – Мы рады, что ты к нам пришла. И очень бы хотели, чтобы бывала почаще. Если Сентария любит тебя, то и мы полюбим. Проходите, мы как раз собирались пить чай.

Девушки вошли в круглую гостиную. Фиччик с Серафимом тут же упорхнули на кухню в поисках вкусоностей.

Пока Сентария с мамой накрывали на стол, Луна разглядывала комнату. Она оказалась очень уютной. На полу лежали вязаные коврики из мягкой овечьей шерсти, выкрашенной в нежно-голубой цвет. Босые ноги утопали в них по самую щиколотку, это было невероятно приятное ощущение, будто ты идешь по облакам. Сделанные из той же шерсти подушки, разбросанные на синем диване и кресле, вызвали непреодолимое желание зарыться в них и крепко прижаться к себе. На окнах красовались лоскутные занавески, напоминавшие утреннее небо в час рассвета. Снизу они были оранжевых оттенков, а сверху – светло-голубых. У стены стояли два пузатых шкафчика на гнутых ножках, разумеется, тоже небесно-голубого цвета. За их стеклянными дверцами переливалась и искрилась посуда.

У противоположной стены Луна, к своему изумлению, увидела камин. Невероятная вещь для дома-дерева! Однако в камине весело потрескивали поленья, озаряя все вокруг приятным светом. Луна вспомнила домик тетушки Мари. Поздними вечерами, когда остальные расходились по своим комнатам, они с Анитой любили посидеть у камина. Анита опускалась на пол, а маленькая Луна устраивалась рядом и, положив голову ей на колени, слушала очередную сказку.

Чаепитие прошло очень весело. Чароита рассказывала забавные истории о проделках Сентарии в детстве. Луна тут же простила ей ворчание при встрече. Наблюдая за хозяйкой, девушка убедилась, что та и вправду не упускает случая повоспитывать.

– Сентария решила проследить за муравьем до его дома. При этом всю дорогу помогала ему нести небольшую соломинку... Полинг, не облизывай пальцы, возьми ложку, для этого ее и придумали... Через несколько метров она наткнулась на огромный муравейник... Сентария, выпрямись, ты сгорбилась, как древняя старуха... Наша девочка захотела узнать, что внутри муравейника, и начала просовывать внутрь палочку. Муравьи выскочили и затараторили, но она еще не понимала их язык... Луна, возьми нож, а не ложку. Ножом намазывать джем удобнее, я немного переложила сахара, и он получился густоват... Потом муравьи привели Полинга, и он увел ее домой. А Сентария так и не поняла, что сделала плохого, ведь она ничего не ломала, а просто переложила половину муравейника в сторону. Она еще не знала о сложном устройстве муравейника, для нее это было лишь нагромождение палочек. А муравьи

обиделись и решили отомстить... Сентария, налей Луне еще чаю, видишь, что ее кружка пуста, а ты сидишь к ней ближе всех. Поухаживай за гостьей... Несколько дней дочь просыпалась в куче мусора, который муравьи за ночь натаскивали в ее кровать. Кроме того, они вплетали этот сор ей в волосы. Из-за этого Сентария просыпалась очень рано, была страшнее огородного пугала и чесалась с головы до пят. Тогда она взяла пару кусков сахара и пошла просить прощения. Они помирились и даже подружились. С тех пор Сентария часто приносила им гостинцы, а муравьи по ночам украшали ее волосы мелкими цветами. Им-то невдомек, что на самом деле сложно потом все это доставать из шевелюры. И ни у кого не хватило духу им об этом сказать, ведь они так старались. Так что несколько месяцев наша дочь была самой «красивой» в округе... Полинг, сходи на кухню за ватрушками, бери те, которые в духовке, они теплые, и на них будет чудесно таять масло... После этого Сентария весьма осмотрительно относится ко всему живому...

Примерно так выглядели все ее рассказы. Луна и смеялась, и вздыхала, и умилялась, и уже научилась не обращать внимания на все эти воспитательские штучки.

После чаепития Луна наконец-то смогла рассмотреть дом. На первом этаже кроме гостиной и кухни, где Фиччик уплетал горячие булочки, находилась кладовка, от пола до потолка уставленная банками с вареньем, и туалетная комната с удивительной круглой ванной.

Наверх вела винтовая лестница, перила которой были тщательно отполированы и поблескивали в свете солнечных лучей, освещающих дом через круглые оконца.

На втором этаже, точнее ярусе, Луна насчитала три комнаты. Спальня родителей, гардеробная и комната для гостей.

На третьем ярусе располагались спальня Сентарии и ее лаборатория. Луна загрустила, поняв, что ей придется спать далеко от Сентарии. Она-то предвкушала ночь, полную секретных разговоров. Сентария, не замечая перемены в настроении подруги, распахнула дверь в свою комнату.

– С ума сойти, – выдохнула Луна.

Во-первых, комната была круглой, во-вторых, в середине ее стояла круглая кровать, застеленная белоснежным покрывалом, в центре которой лежала желтая подушка, тоже идеально круглой формы. Кровать напоминала яичницу с желтком. Увидев подушку, Фиччик моментально занял ее и серьезно заявил, что никакая сила не заставит его покинуть столь мягкое ложе.

– Нет, Фиччик, – поправила Луна. – Мы будем ночевать в комнате для гостей, на втором ярусе.

Сентария вытаращила глаза:

– С чего ты взяла? Мы будем спать там.

Она подвела подругу к небольшой лестнице, которая вела на самый последний ярус. Ствол дома-дерева сужался кверху и комнатка-мансарда оказалась намного меньше остальных, что делало ее еще более уютной. На полу красовались пушистые белые ковры, похожие на облака, стены были выкрашены в нежно-голубой цвет, а с прозрачного потолка спускались трое качелей в форме птичьих гнезд, в которых лежали перины, застеленные мягкими одеялами.

– Вот это да, – прошептала Луна, любуясь стеклянным потолком. – Наверное, ночью здесь сказочно.

– А то, – рассмеялась Сентария. – Эту комнату сделали специально для мамы. Она хоть и не показывает, но сильно скучает по Кристалиуму. А здесь хоть и мало места, зато много света и простора. Будто стоишь прямо в небе.

– Мы будем спать здесь? – выдохнула Луна.

Сентария кивнула, довольная произведенным впечатлением.

В этот момент они услышали, что кто-то скребется снизу в круглый люк, служивший входом в мансарду.

– У тебя есть мыши? – удивилась Луна.

– Ну погоди, я сейчас победю... побегу... победю эту проклятую дверь и покажу, кто здесь мышь! – донесся возмущенный голосок Фиччика.

Луна с Сентарией подняли люк за кольцо, и в круглый лаз пролез взъерошенный Фиччик, который из последних сил тащил наверх полюбившуюся ему подушку-желток.

Раздраженно бросив ее в ближайшее гнездо, он воинственно подлетел к подопечной:

– Это кто мышь? А?

– Никто! – выпалила Луна. – Ты – Адуляриус Лунфичилиус Бесстрашный, единственный представитель рода Вульпиус зербариум линксум волантес, а не какая-то там мышь.

Сентария с удивлением взглянула на подругу и подняла большой палец.

– Ладно, раз ты помнишь, что я величайший представитель своего рода, так уж и быть, сделаю вид, что слово «мышь» относилось не ко мне.

– Пойдемте в сад, – предложила Сентария.

Садом занимался в основном Полинг. Чароита тоже пыталась подключиться, но растения словно впитывали ее любовь к свободе. Огурцы по длинным плетям уползали на дорогу, тыквы принимали форму кучерявого облака, а лук, точно одуванчик, сбрасывал зеленые перья при малейшем дуновении ветра. Деревья же старались перешеголять друг друга, споря, кто из них красивее и наряднее, прямо как воздушные модницы. Они росли как им хотелось, принимая самые причудливые позы. Соперничество между деревьями привело к тому, что посмотреть на них приходил весь Смарагдиус и не только.

Когда Чароита попыталась посадить плющ, чтобы он красиво обвивал забор, это закончилось тем, что он стал расти вверх, уже давным-давно перегнав деревянный штакетник. Полингу приходилось брать огромные садовые ножницы и, взбираясь по лестнице, постоянно подстригать его, иначе они оказались бы ограждены от соседей глухой стеной до самого неба.

Поэтому Чароита оставила сад и переключилась на готовку. Она варила джем и варенье, делала фруктовый мармелад и воздушный зефир со вкусом кисловатой вишни, который за обе щеки уплетал не только сладкоежка Фиччик, но и Луна.

День пролетел незаметно, и в сумерках, когда на небе появилась первая звезда, подружки наконец-то устроились в мансарде, не забыв прихватить с собой пару светлячков, которые наполнили комнату уютным зеленоватым светом.

Девушки неожиданно замолчали. Весь день они предвкушали, как ночью вдоволь насплетничают обо всем на свете, но теперь обе засмутились.

– Я все хотела спросить... – решила наконец Сентария. – Тебе не кажется, что Аметрин стал, как бы это сказать, каким-то слишком взрослым, что ли? Мне неловко оставаться с ним наедине. Я начинаю краснеть и заикаться, словно тринадцатилетняя школьница.

– Ты и есть школьница. Просто пятнадцатилетняя, – хмыкнула Луна.

– Сравнила! В тринадцать лет девочки совсем другие.

– Да, не забивают себе голову всякими там Аметринами.

Сентария вздохнула.

– Он иногда так смотрит, что мне становится не по себе. Когда я оборачиваюсь, он делает вид, что занят чем-то другим. Неужели я могу ему нравиться?

– А почему бы нет? – Луна с недоумением взглянула на подругу.

– Разве я могу кому-то нравиться? Волосы как воронье гнездо, а брови? Ты хотя бы раз в жизни видела такой ядреный зеленый цвет? И никакой карандаш не берет. Я уже много раз пыталась их закрасить. А фигура? Вся какая-то нескладная, одни углы и кости. А этот ужасный курносый нос, да еще и с зелеными веснушками. Зелеными! Не то что у Аметрина – такие красивые, золотистые...

– Что за ерунда! – возмутилась Луна. – Перестань на себя наговаривать! Ты очень красивая! У тебя необычные волосы, словно зеленое облако, милые веснушки и стройная фигура. Кроме того, ты умная.

– Все говорят, что я умная. Лучше бы я была красивая.

– Можно подумать, у нас мало красивых девушек, которые часами прихорашиваются и глупо хихикают. Как Сильвина с Виоланой. Да с ними и поговорить не о чем, только и могут что тараторить про платья и украшения. А ты и красивая, и умная. Недаром Аметрин обратил на тебя внимание.

– Думаешь, обратил? – неуверенно спросила Сентария.

– Конечно! Иначе бы он не цеплялся к Ониксу. Ты нравишься им обоим, Аметрин это чувствует и ревнует.

– Я вообще сначала думала, что вы с Аметрином идеальная пара.

– Ну уж нет, – рассмеялась Луна. – Ты прямо как Пиритти с Пироппо! На самом деле Аметрин с каждой девушкой ведет себя галантно.

– Это точно, – проворчала Сентария. – Поэтому Сильвина с Виоланой уверены, что нравятся ему.

– А еще Эгирину, Кианиту и всем молодым людям Драгомира. Думаю, в сердце Аметрина только ты. Может, он еще и не знает об этом, но рано или поздно поймет.

– Надеюсь, я к тому времени еще не состарюсь.

Девушки рассмеялись, радуясь, что неловкость испарилась.

Сентария глубоко вздохнула. Озаренная мягким светом, она была так красива, что Луна пожалела, что не умеет рисовать. Как бы ей хотелось создать такой портрет, чтобы подруга больше никогда не сомневалась в своей красоте!

– Думаешь, я должна его простить? – с надеждой спросила Сентария.

– Однозначно.

– Хорошо. Но я еще немного проучу его. Уж больно самодовольно он говорил о победе в поединках. Болеть я, конечно, буду за него, но ему ни за что не скажу.

Луна улыбнулась.

– А как у вас с Эгирином?

– Мне кажется, я для него просто друг. Он не обращает на меня какого-то особенного внимания. Ты с ним проводишь больше времени, чем я.

– Ну ты сказала! Он еще переживает свое горе. Пройдет время, и вы будете вместе. А время он проводит не со мной, а с Ониксом. Меня они зовут только в сложных случаях. А еще Эгирин постоянно говорит о тебе.

– Правда?

– Правда!

Обе вздохнули, задумчиво глядя в звездное небо и уютно утопая в перинах. Луне казалось, что ее обволакивает мягкий кокон. Клонило в сон, девушки зевали, и их речь становилась все более медленной.

На третьих качелях сопели Фиччик и Серафим, соревнуясь в виртуозности храпа. Фиччик спал, распластавшись на подушке-желтке так, чтобы ни один сантиметр не достался Серафиму, который приткнулся на другой подушке. Похрапывание хранителей, умиротворяющее гудение светлячков, шуршание ветра в кроне дерева – все это сливалось в колыбельную. Подруги не заметили, как провалились в глубокий сон.

8

– Ты опять здесь? – послышался мягкий голос Янтарии.

Поздним утром, после завтрака, она направилась на поиски Эгирина, который не пришел в столовую к назначенному времени. Не найдя его в комнате, Янтария сразу догадалась, где он может быть.

– Да, бабушка! Зашел на минутку. Сейчас спущусь на завтрак. Немного опоздал, извини.

– Позавтракаешь, когда захочешь. Тебе нравится здесь?

– Очень! – Эгирин провел рукой по массивному креслу отца, где тот любил коротать вечера за ученой книгой.

Янтария в который раз застала внука в комнате Мориона. Он часто заходил сюда и мог часами просиживать в кресле, читая отцовские книги или изучая записи. Янтария не стала что-то менять здесь, решив оставить все как было при жизни сына. Его комната была больше похожа на рабочий кабинет, чем на спальню. Морион был ученым, и жизнь среди книг, свитков и записей была ему по душе. Здесь стояли кровать, задвинутая в самый угол, небольшой шкаф для вещей и комод для белья. Остальное пространство занимали стеллажи с книгами, энциклопедиями, альманахами и летописями. Рядом стоял массивный стол, настолько заваленный бумагами, что не было видно его малахитовой поверхности, когда-то отполированной до блеска мастерами. Комната могла бы быть похожей на библиотеку, если бы не огромные окна от пола до потолка. Благодаря им здесь было светло, свежо и уютно. Янтария втайне ото всех и сама каждый день приходила сюда ранним утром, чтобы поздороваться с сыном, который, как она верила, смотрел на нее из мира забвения. Она, так же как и внук, задумчиво бродила вокруг стола, брала его записные книжки, медленно водила рукой по обложкам книг и рассказывала сыну о последних новостях, которые в основном состояли из похвал Эгирину.

– Эта комната до сих пор хранит аромат его одеколона. Еще тогда, в лабиринте, когда мы с ним встретились, я сразу почувствовал его и запомнил на всю жизнь.

– Да, – задумчиво согласилась Янтария, – древесный запах с ноткой свежести. Он очень шел ему. Как бы подчеркивал связь с природой.

– Я поэтому так люблю бывать здесь. Мне кажется, что отец рядом, – застенчиво признался Эгирин.

– Если хочешь, ты вообще можешь занять его комнату. Только скажи, и мы мигом перенесем твои вещи, – неожиданно предложила Янтария.

– Нет, бабушка, спасибо, я лучше буду приходить сюда в гости. Боюсь, что если буду жить здесь постоянно, то своим присутствием вытесню его атмосферу. Пусть это будет *его* комната.

– Как скажешь, – вздохнула Янтария.

– Бабушка, смотри, что я нашел, – Эгирин отпихнул развалившуюся на столе Чиру, которая облюбовала это место из-за большого солнечного пятна.

Чиру лениво грызла орешки. За время жизни в Смарагдиусе она заметно округлилась, наела щечки, ее шерстка теперь блестела и выглядела ухоженной. Только характер пока оставался неизменным. Чиру недовольно проворчала и сползла с записной книжки, которая служила ей подушкой. Эгирин протянул блокнот Янтарии. Та с любопытством полистала страницы, испещренные мелким почерком сына, и со смехом отдала назад.

– Ты же знаешь, я не сильна в ваших формулах. Химия для меня всегда была загадочной наукой, неподвластной моему уму. Я анималиум. Про животных могу рассказать все что угодно. Это вы у меня величайшие ученые.

– Ну, не такие мы и ученые. Ой, я имел в виду, я не ученый. Папа и дедушка – те, конечно, да. Мне б такую голову.

– А она у тебя есть, дед не нахвалится. Так что ты мне хотел показать? Расшифровывай, сама я не пойму.

– Тут отец начал интересный эксперимент, но, видимо, не успел закончить. Его исследования натолкнули меня на одну любопытную мысль. Я могу поработать в нашей лаборатории?

– Конечно, – торопливо ответила бабушка, радуясь, каким азартом загорелись глаза внука. – Бери все что хочешь.

– Спасибо! Ну я тогда пошел, – Эгирин начал переминаясь с ноги на ногу. Было видно, что ему не терпится начать.

– Эх, молодость! Ни секунды не стоите на месте. Беги, беги. Подожди! – крикнула Янтария внуку, который уже успел домчаться до двери.

Он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

– А завтрак?

– Ну бабушка... – протянул тот вместо ответа.

Янтария сделала преувеличенно строгое лицо, а затем мягко улыбнулась внуку.

Наскоро проглотив завтрак, Эгирин заторопился в домашнюю лабораторию, где уже с утра работал Сардер. В колбах кипели, пенились, шипели и булькали сильно пахнущие снадобья. Эгирин быстро подошел к деду и наскоро объяснил, что хотел бы поработать над изобретением для поединков.

Глаза Сардера загорелись:

– А что ты придумал?

– Не могу сказать. Но это будет нечто.

– Точно? Изобретение, которое демонстрируют на поединках, должно быть поистине великим.

– Если все получится, то вы будете сильно удивлены. По крайней мере, я о таком ни разу не слышал.

– Ну-ка поподробней. Ты меня заинтересовал.

– Я не стану пока рассказывать, не обижайся. Ведь ты будешь в суде, и я хочу, чтобы ты ничего не знал заранее, как и остальные судьи.

– А обо мне ты подумал? – разочарованно проворчал Сардер. – Я теперь должен до самых поединков гадать, что придумал мой внук.

– Но это должно быть только мое изобретение. Я и так возьму у отца его исследования, еще не хватало, чтобы ты мне помогал в реализации. Это будет нечестно.

– Ладно-ладно, сдаюсь. Раз хочешь держать все в секрете, тогда подожди. Сейчас закончу опыт, и лаборатория будет в твоём распоряжении.

– А можешь пока рассказать мне о поединках? Со слов друзей я мало что понял. Три места, три титула и три символа. Но что они дают? И что это вообще такое? Энергия рубина, мудрость жемчуга и сила алмаза.

– Ты даже не представляешь, – загадочно улыбнулся Сардер. – Смотри!

Он отодвинул прядь волос, и Эгирин с изумлением увидел, что символ деда – растение, украшающее его правую щеку, – одной ветвью уходит за ухо и заканчивается крошечной жемчужной гроздью.

– То есть ты получил титул Жемчужного мага?

– Да! В случае победы на символе появляется отметка, подтверждающая титул. Я в свое время занял второе место и получил мудрость жемчуга – способность запоминать все. Если я хотя бы раз что-то прочел, то это навсегда остается в памяти. Я и хотел получить второе место. Я ученый, и мне нужна была именно эта способность.

– Сентария тоже хочет мудрость жемчуга.

– И неудивительно. У нее задатки ученого. Так что ей такая способность не помешает, – согласился Сардер.

- Да ты вообще герой! И главное – ни разу не похвастался!
- Зачем особо выставяться? Тем более это было так давно, – усмехнулся дед. – Кстати, Александрит, а годом раньше Гелиодор вообще заняли первые места. А до них редко кто добивается.
- Почему?
- Поединки очень хитро устроены. Там, конечно, три места, но победитель чаще всего один. Либо их вообще нет.
- Не понял.
- Большинство участников не доходят до финала. Как правило, в конце остаются двое или трое. Крайне редко – четверо.
- Три места, три участника, все логично.
- Каждый должен заранее выбрать, какой титул он хочет. В финале три этапа. Пройдя первый, финалист решает, берет он третье место или идет дальше. Если он останавливается здесь, то ему присуждается титул Рубинового мага. Но если он хочет взять второе или первое место, то возврата назад уже нет, и, проиграв, он вообще ничего не получает.
- То есть ты добрался до второго места и не пошел на следующий этап.
- Да. В финале нас оказалось двое. Я первым дошел до второго места и забрал мудрость жемчуга. Мой соперник, тоже отказавшийся от энергии рубина, чуть отстал и был вынужден попытаться счастья в главном этапе. Но не справился. Таким образом, в тот год был всего один победитель – я.
- А Гелиодор с Александритом? Ты сказал, они взяли главный приз?
- Да! Причем впервые за несколько сотен лет! Представляешь! Так давно никто не занимал первое место, а тут два года подряд. Повезло, что они выпускались не в один год, а то, вполне возможно, победителя бы не было вовсе. Оба хотели именно силу алмаза.
- А что это дает?
- Фантастическую выносливость и способность видеть верное решение в любой ситуации. Этот дар потому и назван в честь алмаза – самого прочного и прозрачного камня на свете... В свой год Алекс стал единственным победителем, хотя в финал вышли трое. А у Гелиодора в финале был только один соперник. Они одновременно добрались до третьего места. И он испугался, что Гелиодор заберет приз, и поспешил ухватить энергию рубина. Но Гелиодору она и не была нужна, он пришел за силой алмаза, и он ее взял.
- А кто был его соперником? – любопытствовал Эгирин.
- Не припомню. В тот год был плохой урожай, и я не участвовал в судействе.
- У тебя же мудрость жемчуга! Как ты мог забыть?
- Эта способность распространяется только на науку, – рассмеялся Сардер. – Если бы я запоминал еще и все события, мне бы понадобилась вторая голова. А вот что был неурожай и я перевернул горы книг в поисках подходящего состава для подкормки, я прекрасно помню и могу назвать все ингредиенты.
- Эгирин, смеясь, покачал головой.
- А что дает энергия рубина? Это ты помнишь?
- Погоди-ка... Где-то это было в моей памяти. Вспомнить бы, где именно, – улыбнулся Сардер. – Конечно, помню. Энергия рубина дает возможность быстро перемещаться в пространстве. Станный, на мой взгляд, дар. Особенно для жителей Кристаллиума, которые с помощью ветра быстро преодолевают огромные расстояния. Да и жителям Сафайрина он тоже не особо нужен. Они под водой развивают такую скорость, что могут обогнать даже кристаллианцев, передвигающихся по воздуху. Да и остальным драгомирцам он ни к чему, ведь у нас такие быстрые лошади. Поэтому третьи места крайне редки. Финалисты берут либо второе, либо пытаются дойти до конца. Я вообще не могу вспомнить, кто еще, кроме соперника Гелиодора, взял третье место.

- В принципе, третье и первое места мне тоже не нужны, – задумчиво проговорил Эгирин. – Интереснее всего мудрость жемчуга.
- Не думай пока об этом. Сначала нужно получить допуск, потом дойти до финала.
- Ты прав, – протянул Эгирин. – Кстати, у тебя там все кипит. Можно я уже начну опыт?
- Дожили! – шутливо возмутился Сардер. – Выгоняют из собственной лаборатории!
- Никто никого не выгоняет, – заверил Эгирин, тихонько подталкивая деда к выходу.
- Ухожу, ухожу! Считаю, что меня уже здесь нет, – Сардер специально помедлил у двери, пытаясь подглядеть, какие реактивы берет с полки внук.
- Ну? – Эгирин выразительно обернулся на него.
- Даже подсмотреть нельзя! – пробурчал Сардер и плотно прикрыл дверь.
- Эгирин тут же с головой погрузился в работу.

9

«День начался так, что от него вряд ли стоило ждать чего-то хорошего», – думала Луна, шагая в обеденный зал.

С утра Фиччик успел наведаться в теплицу и похозяйничать на грядке с клубникой. Не так давно в саду построили оранжерею, чтобы Луна могла возиться с растениями. Сентария заразила подругу страстью к выведению новых видов.

Под ее руководством Луне удалось вырастить арбуз со вкусом карамели и персик с дольками как у апельсина. Окончив школу в Смарагдиусе, она продолжала чуть ли не каждый день ездить во Флорессию. Но эти поездки отвлекали девушку от других дел, поэтому родители решили построить для нее собственную лабораторию прямо в саду.

Это была небольшая комната, где помещались стол, шкаф с вытяжной трубой и множество колб, реторт и пробирок с разноцветными жидкостями. К лаборатории примыкала экспериментальная теплица с маленькими грядками и столом для работы с семенами и саженцами.

Луна была очень довольна. Она перенесла свои опыты в собственную лабораторию. А с Сентарией виделась уже за пределами учебных стен.

Нефелина, приходившая понаблюдать за учебой дочери, неожиданно для себя тоже втянулась в изучение селекции. В результате ей, не имевшей земного дара, удалось вывести необычный сорт клубники: небесно-голубые ягоды размером с кулак ребенка. Основной целью был, конечно же, цвет. Как любая жительница Кристаллиума, Нефелина была без ума от небесных оттенков. А вот размер... Вряд ли он задумывался именно таким и, скорее всего, получился случайно. Но новоявленная учена делала вид, что именно такого результата и добивалась. С Нефелиной никто не спорил, все только кивали да дивились ее достижениям.

Клубника оказалась такой вкусной, что Нефелина удостоилась даже скупой похвалы от Сардера. А сладкоежка Фиччик, попробовав ее, совсем потерял покой. Поэтому, узнав, что к утру в теплице поспеет вторая партия, ночью он не смог сомкнуть глаз. Едва первые лучи солнца выглянули из-за горизонта, Фиччик вылетел из окна, сжимая в лапках корзинку. Он хотел опередить поваров, которые утром собирались прийти за урожаем.

Фиччик доверху набил корзину ягодами, которые немного помялись, дав голубоватый сок, и собирался вернуться в комнату. Но не тут-то было. Тяжелая корзина не давала взлететь. Превратиться в Лунфича хранитель не мог – часовые неизбежно заметили бы его. Можно было, конечно, выложить часть добычи, но такой вариант даже не пришел ему в голову.

Фиччик решил поискать открытое окно где-нибудь на первом этаже. Ругаясь свистящим шепотом, он поволок корзину по земле и через несколько минут увидел незапертую дверь на террасу. Это был просто подарок судьбы. Ведь Фиччик уже понял, что затащить корзину на высокий подоконник тоже вряд ли сможет.

Итак, хранитель проник в замок, с трудом одолел лестницу на верхние этажи, где располагались спальни, и наконец спрятался за дверью их с Луной комнаты. Все приключение заняло больше двух часов, и клубника в корзине совсем сникла. Но Фиччику было все равно.

Хранитель взобрался на кровать, поставил глубокую тарелку на свою любимую подушку и переложил туда клубнику. Оттягивая удовольствие, он с наслаждением вытянулся возле спящей Луны, чтобы размять уставшие мышцы.

Фиччик злорадно хихикнул, представив лица поваров, которые как раз сейчас должны были зайти в теплицу. Так в действительности и было. Помощник повара и правда пришел с корзиной и в недоумении чесал затылок, не понимая, куда девался урожай небывалой ягоды, которую сегодня хотели торжественно подать к столу с утренними блинами. Так ничего и не поняв, с пустыми руками, качая головой и сокрушенно вздыхая, он поплелся обратно на кухню.

«А нечего так долго спать», – подумал хранитель и потянулся к тарелке за первой ягодой.

В животе у него заурчало так громко, что Луна проснулась. Не открывая глаз, она села на кровати, сладко потянулась и пробормотала:

– Чем это так вкусно пахнет?

Луна задела тарелку, и та покатила по одеялу, оставляя нежно-голубой след.

– Осторожно! – завопил хранитель.

– Что? – растерялась девушка.

Фиччик заметался по кровати, глаза его наполнились слезами, уши горестно обвисли.

– Да что случилось-то?

Луна откинула одеяло, окончательно похоронив все надежды хранителя. Вставая, она оперлась рукой именно туда, где лежали ягоды, превратив их в несъедобную кашу.

– Все пропало! – только и смог выдавить из себя Фиччик, от горя потерявший свое красноречие.

– Да что пропало? Я не понимаю.

– Там... – хранитель печально указал на место катастрофы.

Луна подняла одеяло и уставилась на нежно-голубое пятно, расползающееся по бело-снежной простыне.

– Откуда здесь это? – воскликнула девушка голосом, в котором не было ни намёка на сострадание, зато довольно ясно слышались гневные нотки. – Фиччик, что ты натворил?

Хранитель рыдал, размазывая слезы кулачками, отчего на светлой шерстке появлялись синие полосы.

– Фиччик, что в моей кровати делает мамина клубника? Это же она? Была, по крайней мере. Я узнаю ее запах!

– Да, это она! Вкуснейшая, нежнейшая, прекраснейшая из ягод. Я так о ней мечтал... – от жалости к себе хранитель начал подвывать, как волчонок.

– Где ты ее взял?

Хранитель всхлипнул.

– Фиччик, отвечай.

– Ну там, – невнятно пробурчал он и махнул лапкой в неопределенном направлении, надеясь, что такой ответ удовлетворит пытательницу-допросительницу.

Но пытательница-допросительница только строго нахмурилась. Она была такая грозная, что Фиччик втянул голову в плечи.

– А поподробнее?

– Ну там, – вновь невнятно пробурчал он и мысленно послал вселенной несвязную мольбу: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Пусть больше не спрашивает. Там, и всё. Что еще надо? Понятно же, что не тут».

Но вселенная оказалась такой же жесткой, как и подопечная Фиччика. Она не слышала мольбы и безжалостно промолчала.

– Там – это где? Уж не в теплице ли? И не та ли это ягода, которую мы все так ждали? Ты что, стащил клубнику? – строго спросила Луна.

– Я? – возмутился хранитель. – Как я мог украсть то, что и так наше?

– Все равно нельзя брать без разрешения.

– А кто бы мне его дал, это разрешение? Повара собирались украсить ею десерт на завтрак. И мне бы досталась одна малюсенькая ягодка! Я позаботился о том, чтобы накормить мой молодой растущий организм, а ты...

– Что я?

– Если бы ты не махала руками, как Гелиодор во время речи, то мои ягодки были бы целы.

– Так я еще и виновата? – возмутилась девушка.

По ее вспыхнувшим щекам хранитель понял, что немного перегнул палку, и заканючил:

– Да нет... Я просто... бр-бр-бр, фр-фр-фр... Я больше так не буду... бу-бу-бу, м-м-м.

Заменив непонятными звуками половину слов, Фиччик решил, что достаточно извинился, и перешел к делу:

– По твоим синим простыням горничные сразу поймут, кто утащил клубнику с грядки. И вряд ли заподозрят маленького хранителя с крохотными лапками.

Луна гневно вскочила.

– То есть благодаря тебе все подумают, что я тайком по ночам уплетаю ягоды? Вот спасибо, удружил!

– Предлагаю самим сменить постельное белье, а это постирать в ванной, – примирительно предложил Фиччик.

– Интересно, кто это будет делать? Неужели твои крохотные лапки? – саркастически поинтересовалась Луна, со вздохом подходя к огромной кровати.

Кое-как стащив простыню размером с небольшое поле, она вступила в сражение с пододеяльником, который не хотел отдавать ни кусочка одеяла. Наконец всклокоченная и раскрасневшаяся Луна одолела его и поволокла в ванную.

В эту секунду кто-то постучал в дверь.

– Войдите, – машинально крикнула девушка и только потом спохватилась, как она выглядит: синяя от раздавленных ягод, красная от злости, с перьями в волосах...

На пороге появился Эгирин.

«Только не это, – простонала Луна про себя. – Мало мне было покрасоваться в пижаме перед Аметрином, теперь еще это! Взяли моду ходить по утрам, когда ни одна приличная девушка еще не готова принимать гостей».

– Тебе помочь? – удивленно спросил Эгирин.

– Премного благодарна, справлюсь сама, – ответила Луна самым непринужденным и светским, как ей казалось, тоном.

Но в этот момент пыль, поднятая при схватке с пододеяльником, защекотала ей нос, и Луна чихнула так, что шлепнулась на пол.

– Подожди в обеденном зале, – буркнула она из вороха белья. – Я скоро.

– Как скажешь, – озадаченно проговорил Эгирин и поспешно закрыл дверь.

Целый час Луна пыталась вывести пятна от клубники. В конце концов ей это удалось. Причем исключительно благодаря полученным в Смарагдиусе знаниям по составлению всяких порошков. Потом Луна еще полчаса приводила себя в порядок. Крутясь перед зеркалом, она мстительно радовалась, что Эгирину приходится так долго ждать.

«Нечего заявляться в гости в такую рань», – со злостью думала она.

Но затем на смену этим мыслям пришли другие: «Правда, почему он приехал с утра? А вдруг что-то произошло?»

Испугавшись, Луна выскочила из ванной и побежала в обеденный зал. Но Эгирин там уже не было. Она окончательно расстроилась, решив, что он ушел, не дождавшись ее. Однако вскоре в зал заглянула Нефелина и сообщила, что Эгирин позавтракал с ними и ждет Луну в ее лаборатории.

Девушка наспех позавтракала блинчиками, которые вместо клубники были украшены ломтиками персика, и помчалась в лабораторию, несмотря на протесты Фиччика, считавшего, что завтрак закончился слишком быстро.

– Еще раз здравствуй, – торопливо произнесла она, едва переступив порог. – Что-то случилось?

– Случилось, – проворчал Эгирин, – нашествие безмерно любопытных родственников, которые не дают мне доделать один интересный эксперимент. Я начал работать в домашней лаборатории, но скрывать результаты опытов становится все труднее. Можно я поработаю у тебя?

– Конечно, – пробормотала растерявшаяся Луна, вспыхнув от мысли, что Эгирин будет рядом. – А Флорессия? Там же куча свободных помещений.

– Да, но кроме свободных помещений там есть мой главный соперник – Оникс. Да еще Сентария, которая тоже весьма любопытна. А я хочу сохранить результат в секрете, чтобы всех поразить во время поединков.

– Даже от меня? – тихо спросила Луна, которая уже представила, как они с Эгирином трудятся бок о бок в ее крохотной лаборатории. Ведь ничто так не сближает, как общее дело.

– Извини, Луна, даже от тебя. Но если тебе нужна лаборатория, то я поищу другие варианты.

– Да ладно, занимайся. Где ты найдешь еще одну лабораторию? У тебя, у меня и во Флорессии – больше их нигде и нет.

– Спасибо, ты настоящий друг, – произнес Эгирин и выразительно замолчал, вертя в руках пробирку с зеленоватой жидкостью.

Луна поняла, что ей вежливо указывают на дверь. Она гордо выпрямилась и зашагала к выходу.

– Я пошлю за тобой, когда мы сядем обедать. Надеюсь, наша компания не будет тебе в тягость.

Эгирин ничего не ответил. Луна обернулась на пороге и увидела, что он уже переливает жидкость из пробирки в большую колбу. Она еще больше нахмурилась и вдруг услышала то, что так хотела:

– Луна, подожди!

Мгновенно простив ему все, она оглянулась, готовая улыбнуться. Но Эгирин по-прежнему не смотрел на нее, тщательно отмеряя жидкость. Не прекращая своего занятия, он тихо проговорил:

– У тебя в волосах перья.

– О...

Луна бросила быстрый взгляд на маленькое зеркало, висевшее на двери. Действительно, за ушами, в косе и даже на макушке у нее торчали маленькие перья, придававшие ей сходство с курицей. Луна злобно процедила «спасибо» и выбежала из лаборатории.

Чиру сочувственно посмотрела ей вслед. Увы, во всем, что касалось чувств, ее подопечный был редкостный сухарь, к тому же слепой на оба глаза.

Для Эгирина, погруженного в работу, время до обеда пролетело незаметно. А для Луны, наоборот, оно тянулось бесконечно долго. Пару часов она потратила на выбор наряда. А потом просто слонялась по дворцу, считая минуты. И вот наконец всех пригласили в обеденный зал. Луна уже сидела на высоком стуле, когда вбежал запыхавшийся Эгирин.

– Почти получилось! – воскликнул он. – Представляешь! У меня несколько дней не выходило то, что нужно, а тут раз – и все получилось. Ну, почти все, осталось исправить небольшие недостатки. Это все ваша волшебная лаборатория! Как будто кто-то на ухо нашептал мне недостающий ингредиент. Едва я его добавил, все сразу же встало на свои места.

– И что? Теперь ты больше не будешь приходить?

– С вашего позволения, я у вас поработаю еще несколько дней. Результат я получил, но не совсем совершенный.

– Конечно, работай! Мы только рады, что можем чем-то помочь, – ответила Нефелина. – Тем более мы с Луной сейчас заняты покорением ветра, который продолжает шутить над ней. Она очень торопится, так как хочет вместе с тобой пойти учиться в школу целителей.

При этих словах девушка покраснела, уже в который раз за этот день.

«Ну конечно же, – подумала она. – От дня, который начался с позора, нельзя ожидать чего-то еще».

– Спасибо огромное, – улыбнулся Эгирин. – Вы меня выручили. Надеюсь, до поединков я достигну идеального результата. Кстати, давно хотел спросить, – он вдруг повернулся к Александриту, – как вам удалось взять главный приз?

– Главный приз? – изумилась Луна, которая до сих пор не удосужилась расспросить родителей о поединках, удовлетворившись кратким описанием Сентарии и Аметрина.

Александрит сделал преувеличенно важное лицо и царственно кивнул, превзойдя при этом самого Фиччика.

– Да! В тот год победитель был только один – я!

Луна засыпала его вопросами. Отец кратко объяснил ей сложности получения титулов. Она некоторое время молчала, затем тихо сказала:

– Лучше бы я не знала. Теперь буду нервничать... А кто еще брал первое место?

– Гелиодор годом раньше. А до нас несколько сотен лет никто не получал силу алмаза. Эссантия дает сложные испытания.

– Что это значит?

– Мы готовим площадку, трибуны и судейскую коллегия, а задания дает создательница Драгомира. Никто, даже старейшины, не знает, какими они будут. Единственное испытание, известное заранее, – это как раз то, чем сейчас занимается Эгирин. Что-то вроде домашнего задания.

– Да! – подхватил Эгирин. – Нужно продемонстрировать такое изобретение, чтобы все ахнули. И если Эссантия сочтет его полезным для Драгомира, то я пройду в следующий тур.

А что будет дальше, не знает никто. Дедушка говорит, за все эти годы Эссантия ни разу не повторилась.

– Ничего себе, как все сложно, – прошептала Луна.

– Дедушка не мог вспомнить, кто был соперником Гелиодора. Тот единственный финалист, взявший третье место. Как я понял, за энергией рубина мало кто охотился.

– Да, так себе приз. Только тс-с-с, чтобы Эссантия не услышала, – рассмеялся Александрит. – В принципе, тоже нужная способность. В тот год в финал вышли Гелиодор и Гиацинт. И Гиацинт решил не рисковать и забрал энергию рубина.

– Отец Аметрина? Вот это да! Ни за что бы не подумала, что он такой... – Луна замялась, подбирая слова, – доблестный воин. Я думала, он простой уроженец Гарнетуса, разве что с задатками командира.

– Простому человеку сложно стать военным викариумом, – пояснил Александрит. – Они учились в одном классе и были добрыми друзьями. Оба блестяще сдали экзамены и подали заявку на участие в поединках. А потом повздорили. Гиацинт пытался уговорить Гелиодора не идти до конца. А когда тот победил, начал убеждать всех, что Гелиодор выиграл только потому, что был любимчиком тогдашнего правителя Гарнетуса...

Алекс осекся, поняв, что не стоит обсуждать первых лиц государства при детях, и перевел разговор на другую тему:

– Потом они, конечно, помирились. Кстати, твоя мама с Анитой тоже участвовали.

Луна с недоверием уставилась на маму. Разве могла такая полупрозрачная неземная фея ввязаться в соревнования?

Ну ладно еще Анита: у тети был крутой нрав, и она не давала спуску даже грозному Гелиодору. Но мама...

– Нашел что вспомнить, – рассмеялась Нефелина. – Я вылетела на первом же этапе. Мое изобретение – капроновое лассо для заарканивания облака – оказалось открыто давным-давно. Так что я даже не успела понять, что такое поединки.

– Зато Анита билась долго. Но, к сожалению, не дошла до финала. Она сильно огорчилась. Ведь до поединков каждый день дразнила меня, что уступит мне силу алмаза.

– А расскажите все-таки о поединке Гелиодора с викариумом, – попросил Эгирин.

– Это была битва века, – Алекса так захватили воспоминания, что он забыл о своем решении не обсуждать это при детях. – Они шли, ни на секунду не отставая друг от друга. Одновременно добрались до энергии рубина, и Гелиодор, даже не взглянув на стойку с призом, рванул дальше. Гиацинт немного замешкался, и это решило дело. Пока он раздумывал, брать ли третье место, Гелиодор уже значительно опередил его. Гиацинт, поняв, что может остаться вообще ни с чем, взял титул рубинового мага. Он был так расстроен, что даже не остался на награждение. Просто забрал приз и ушел.

– Нужно уметь проигрывать, – заметила Луна. – А такому, как Гелиодор, и проиграть не стыдно.

– Согласен. Но все люди разные.

После обеда Эгирин вновь заперся в лаборатории. А Луна, поняв, что не вынесет, если будет опять слоняться без дела, уговорила отца и Аниту отправиться к океану, чтобы поупражняться в воде.

10

Громко разговаривая, они подошли к конюшне. Луна обожала слушать перепалки отца и Аниты. Спорить они могли часами, и каждый стоял на своем до конца. Луне казалось, что им даже неважно, кто прав.

Джемма, услышав их издалека, радостно заржала. К ней присоединились могучий конь Александрита и норовистая лошадь Аниты. После изобретения лунфилета на них стали ездить гораздо реже, и теперь они радовались, что вновь понадобились своим хозяевам. Особенно Джемма, которая редко видела Луну из-за того, что та в основном летала на Лунфиче. Джемма весело гарцевала под седлом и корчила страшные морды нахохлившемуся хранителю, смотревшему на сборы. Он-то рассчитывал на быстрый полет, а вместо этого ему предстояла поездка в сумке. С недовольным видом он полез в нее, не забыв показать Джемме язык. Та устрашающе клацнула зубами, и Фиччик с тихим писком, словно самый настоящий мышонок, юркнул на дно.

Вскоре вся компания уже направлялась к океану.

Луна всем сердцем любила эту стихию, которая, в отличие от остальных, подчинилась ей сразу и безоговорочно. Все-таки закон Драгомира, что ребенок наследует магию отца, сработал. Пусть и не так, как у других.

Стоило Луне зайти в воду, как на ее теле мгновенно появлялась чешуя, а океан уже волновался, ожидая ее в гости. После первого погружения она долго не могла прийти в себя. Луна пыталась рассказать о своих впечатлениях Сентарии и Эгирину, но поняла, что у нее просто нет слов, способных описать всю красоту и загадочность водного мира.

Приезжая в Сафайрин, Луна всегда любовалась не только океаном, но и здешними домами-раковинами. Местные деревеньки напоминали дно океана. Все дорожки были посыпаны песком, а вместо привычных растений в палисадниках росли анфельции¹¹ и посидонии¹². Кованые заборы обвивали побеги морского винограда. Роль фонарей исполняли высаженные вдоль дорожек морские перья¹³, светящиеся в темноте.

Многие участки были украшены морским мхом, который обрабатывался специальным раствором, придуманным учеными Смарагдиуса, и никогда не засыхал и не терял цвет. Мох покрывал стены домов-раковин, устилал лавочки, на которых было так уютно сидеть по вечерам. На крыльце перед каждым домом лежал коврик из мха.

Дома-раковины располагались в хаотичном порядке. В Сафайрине не было строгой симметрии и прямых улиц. Какая симметрия может быть на морском дне?

Формы домов отличалась большим разнообразием. Луне нравились раковины-мурексы¹⁴. Они выглядели так, словно природа решила пошутить, создавая их. Вся поверхность покрывали выросты и шипы, изогнутые в разные стороны.

Очень красивы были и закрученные по спирали раковины-наутилусы¹⁵ с круглым входом.

Но больше всего завораживали ксенофоры¹⁶. Увидев их, непосвященный человек мог бы даже засмеяться, так как дом до самой макушки облепляли всевозможные предметы. Чего

¹¹ Анфельция – морское цветковое растение длиной до 4 метров.

¹² Посидония – морская трава темно-зеленого цвета.

¹³ Морское перо – полип, напоминающий пушистое перо, кончики которого светятся в темноте. Может вырастать в высоту до 40 сантиметров.

¹⁴ Мурекс – хищный моллюск с красивой раковиной.

¹⁵ Наутилус – крупный моллюск, живущий в раковине, закрученной по спирали и состоящей из нескольких камер.

¹⁶ Ксенофора – брюхоногий моллюск, украшающий свою раковину, налепляя на нее разнообразные, порой неожиданные предметы.

здесь только не было! Мелкие ракушки, осколки посуды, бутылочное стекло, кусочки зеркал, жемчужины, отполированные камни.

Внутри домов-раковин царило великолепие перламутровых стен и извилистость длинных коридоров. С непривычки здесь можно было заблудиться и часами ходить, попадая из одного коридора в другой точно такой же.

Ночью Сафайрин был еще красивее. Под лунным светом начинали мягко светиться морские перья вдоль дорожек. А у домов загорались живые фонари – колбы с морской водой, в которых жили кальмары по прозвищу Чудесная лампа¹⁷. Их тела, покрытые светящимися присосками, озаряли всё вокруг.

Луна с отцом и тетей первым делом заглянули в гости к Азуриту с Иолитой – родителям Алекса и Аниты. Бабушка и дедушка Луны обрадовались гостям и тут же стали выставять на стол особенные угощения: песочные печенья в форме ракушек и напитки цвета морской волны, в которых плавали кусочки засахаренных водорослей. Отведав сафайринских лакомств, Анита с Алексом позвали родителей вместе совершить погружение.

– Давненько мы не ныряли всей семьей, – пророкотал Азурит. – Лет двадцать. Но мы, к сожалению, только что из воды, поэтому вынуждены отказаться.

– Да, – подхватила Иолита, – в нашем возрасте уже нельзя совершать такие прогулки дважды в день. В следующий раз обязательно поплаваем вместе. А то совсем позабыли нас. Видно, кое-кто решил, что он уже совсем вырос. Хотя этот кое-кто, едва родившись, уже был чрезмерно самостоятельным, да еще и сестру толкал на различные безобразия.

– Ну мама, – смутился Алекс.

– Ой, бабушка, а расскажи, какими они были в детстве, – попросила Луна.

– Не стоит, – смутился Алекс.

– Очень даже стоит, – улыбнулся Азурит. – Эта парочка доставляла кучу хлопот с того момента, как появилась на свет. А все из-за того, что Титанита во всем подражала брату, а он ей. Если начинал плакать Алекс, Титанита тут же заливалась так, что сбегалась вся наша деревенька. Едва мы укачивали Алекса, он, услышав вопли сестры, снова начинал кричать. Замкнутый круг. Мы с Иолитой чувствовали себя мальками в банке, которые мечутся внутри и не могут найти выход. Тогда я взял сына, а Иолита дочь, и мы поехали каждый к своим родителям в надежде поспать хоть чуток. Но не тут-то было. Разлученные близнецы устроили такое, о чем до сих пор ходят легенды. Кто-то говорил, что в деревню забрел слон и, потерявшись, трубил что есть мочи. Кто-то утверждал, что случилось извержение вулкана. В общем, пришлось срочно возвращаться домой. И с тех пор они спали, держась за руки.

¹⁷ Кальмар «Чудесная лампа» – обитает на глубине 500 метров, имеет способность светиться в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.